

Безликий

Автор:

Майк Германов

Безликий

Майк Германов

Опасный прием

Царское Село – идеальное место для воскресной экскурсии или свадебной фотосессии. И вместе с тем – для жестокого ритуального убийства... Ранним июньским утром глазам парочки велосипедистов предстало жуткое зрелище: Царь-ванна, полная мутной ржавой воды, а в ней окровавленный труп пожилого мужчины без лица с выжженным на груди клеймом. А рядом на стене – послание, содержащее намек на имя следующей жертвы... Следователь Валерий Самсонов должен разгадать этот шифр в кратчайшие сроки, иначе умрет еще один невинный человек. Но Валерий лишь человек, он ошибается, и маньяк убивает снова. Остается лишь один шанс понять, чего хочет монстр, пожирающий лица своих жертв...

Майк Германов

Безликий

© Германов М., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Я приведу вас в пустыню народов, и мы будем лицом к лицу, и Я буду судить вас.

(Иезекииль 20:35)

Глава 1. Царь-ванна

Среда, 2 июня

Каждый раз накануне своего дня рождения мама брала нас с Мариной, и мы ехали на автобусе в Екатерининский парк, чтобы погулять среди бело-голубых дворцов с огромными окнами и бронзовыми атлантами. Теперь их покрасили охрой, и они выглядят тусклыми, а когда-то сверкали не хуже Золотых ворот.

Пока отец был на работе, мы ходили по дорожкам, а потом сидели на траве, подстелив покрывало, и ели бутерброды с сыром и вареной колбасой, разрезанные пополам помидоры и огурцы, которые нужно было посыпать солью, и яйца.

В то время я не обращал особого внимания на то, что окружало меня, потому что каждая такая поездка была в первую очередь приятным приключением, путешествием, а не осмотром достопримечательностей. Поэтому планировка и архитектура Пушкина долго оставались для меня абстракцией, смутно возникающей на фоне воспоминаний о наших «приключениях».

Потом я иногда думал, почему мама возила нас с сестрой на эти прогулки именно накануне своего дня рождения. Ответа на этот вопрос я не нашел, но однажды, размышляя об этом, вдруг осознал, что не могу вспомнить ее лицо. В смысле молодого. Оно стерлось из памяти, осталось лишь ощущение, что мама была другой.

Я проехал мимо Египетских ворот, служащих пропилеями. Когда-то через них действительно можно было попасть в Пушкин, но после реставрации, проведенной в восьмидесятых, дорогу пустили вокруг памятника, сделав его чисто декоративным.

Свернув на Дворцовую улицу, я оказался в Царском Селе и покатил между деревьями двух скверов, расположенных по обе стороны проезжей части.

Основанный в 1710 году как императорская загородная резиденция, Пушкин претерпел множество изменений и перестроек, повидал во время Великой Отечественной войны немецких оккупантов, потерял часть достопримечательностей, которые были разрушены снарядами и пожарами. Однако одну из них не смогли одолеть даже фашисты – именно к ней я и направлялся.

У нас в «Серийном отделе» бывают недели затишья, но бывают и периоды, когда работать приходится чуть ли не сутками. К счастью, маньяки в Питере объявляются не так уж часто.

Конечно, если бы можно было идентифицировать все серийные убийства, которые происходят, дело обстояло бы иначе – наверное, нам было б не продохнуть. Но проблема в том, что далеко не все маньяки имеют свой «почерк». Большинство не выкладывает из порубленных тел сцены с полотен эпохи Возрождения, не приделывает к трупам орлиные крылья, не вырезает на своих жертвах сатанинские пентаграммы. Некоторые просто убивают. И объединить подобные случаи в серию невозможно.

Наш отдел занимается только теми делами, которые имеют явный «почерк».

На этот раз случай был именно такой.

Поскольку Пушкин входит в состав Петербурга, расследование передали нам. Мой друг и коллега Дремин, как назло, улетел с женой в Пекин проводить отпуск, и поселиться у него на время расследования мне не светило (дело в том, что он как раз недавно переехал в Пушкин и успел даже сделать ремонт). Мотаться же каждый день из Питера было хоть и не очень далеко, но неудобно, поэтому я обдумывал по дороге, нельзя ли снять на несколько дней комнату за счет бюджета отдела.

Конечно, это были пустые фантазии: приди я к своему начальнику Павлу Петровичу Башметову, с подобной идеей, он рассмеялся бы мне в лицо.

В детстве мы с сестрой часто ездили в Пушкин не только с мамой, но и всей семьей. Это тоже было здорово. Отец всегда брал с собой фотоаппарат – черный «Зенит» в коричневом кожаном футляре, – и мы позировали у каждого дворца, у каждой беседки и на каждом мостике.

Особенно мне нравились наши осенние визиты, когда с деревьев облетали багровые, желтые, оранжевые и красные листья, выстилавшие дорожки пушистым упругим ковром. Мама и Марина всегда собирали кленовые, чтобы сделать из них венок, который потом долго хранился дома – пока не засыхал настолько, что рассыпался, стоило взять его в руки.

Теперь я не хожу по опавшим листьям. С тех пор как увидел торчащую из-под них, опухшую бело-синюю руку со скрюченными пальцами и почерневшими ногтями. Женщину расчленили, выпотрошили и бросили в парке возле шоссе, припорошив прелой листвой. Ее нашла утром собачница, выгуливавшая Лабрадора.

Мы выехали тогда на вызов, но «серия» не подтвердилась: других подобных трупов обнаружено не было, и делом занялся убойный отдел.

Еще в Пушкине мне запомнились маленькие деревянные домики, раскрашенные «под кирпич». Так удивительно было видеть их рядом с современными домами. Теперь, проезжая по улицам Царского Села, я невольно высматривал их, но не заметил.

Я припарковал свой «Олдсмобиль» на дорожке Баболовского парка – там, где она переходит в мостик через пруд со знаменитой «каменной ванной», по сути представлявшей собой искусственный порог под мостом.

Разросшиеся деревья окружали дорожки подобно старым дряхлым часовым, некогда могучим, а теперь доживающим последние годы, кусты обрамляли пруд, местами спускаясь к самой воде, затянутой зеленой ряской.

Едва я вылез из машины, ко мне направился местный опер. Среднего роста, коренастый, он был одет в плотную куртку, несмотря на то, что вечер выдался теплый.

Я молча предъявил удостоверение.

– Лейтенант вас ждет. – Опер махнул в сторону развалин, где среди зарослей виднелись фигуры полицейских и натянутая желтая лента.

Я отправился на поиски того, кто занимался местом преступления до моего прибытия. Проходя через мостик, не удержался и перегнулся через перила, чтобы взглянуть на воду. Из-за осевшей на выстилающих дно булыжниках ржавчины она казалась желтоватой. Не хотелось бы свалиться в нее и сломать себе руку или ногу: для ныряния здесь было слишком мелко.

Когда я оказываюсь на мосту – неважно, высоком или низком, – меня тянет посмотреть вниз, на текущую или колышущуюся воду. В такие мгновения все тело, начиная с ног, охватывает оцепенение, и думаешь лишь о том, что там внизу, в черной сверкающей пучине.

Холод и отсутствие воздуха.

Ужас погружения и вода, рвущаяся в твои легкие.

Заставив себя оторваться от перил, я двинулся дальше. Обогнув по дорожке заросли кустов, я направился к развалинам из красного кирпича, обнесенным полицейской лентой.

Это был Баболовский дворец. Сейчас от него мало что осталось, но все равно было видно, что строился он в виде маленького готического здания с узкими, начинавшимися от самого пола стрельчатыми окнами. Крыша была только на круглом павильоне, где располагалась Царь-ванна, но она выглядела слишком новой, из чего я сделал вывод, что соорудили ее не так уж давно – видимо, чтобы защитить достопримечательность от дождя и снега.

Заметив полицейского без формы, я подошел прямо к нему.

– Старший лейтенант Самсонов, меня прислали из Питера, – сказал я, протягивая руку.

– Димитров, – представился тот, окинув меня нарочито равнодушным взглядом.

Он был невысок, но плечист, под рыжей курткой из тонкой кожи виднелись мускулистые руки и грудь – полицейский явно немало времени проводил в качалке.

– Быстро вы приехали, – добавил он, проведя ладонью по темным волосам, отчего они не стали лежать ни лучше, ни хуже.

– Прилетел на крыльях долга, – ответил я, осматриваясь. – Где труп?

– Внутри. – Димитров указал на пролом в стене, к которому вели дощатые мостки. – Посмотрите?

– Может, сразу перейдем на «ты»? – предложил я. – Работать-то вместе.

Лейтенант слегка пожал плечами – мол, да как угодно.

– Хорошо, – сказал он. – Тогда я – Рома.

– Валера.

Димитров кивнул и пошел к пролому, на ходу объясняя, что случилось.

– Тело нашли местные велосипедисты. У них маршрут проходит через Баболовский парк, и сюда они часто заезжают передохнуть. Заглянули внутрь и увидели, что ванна наполнена водой, и в ней кто-то плавает. Человек не шевелился, и они его окликнули. Он не ответил, тогда один из велосипедистов полез внутрь и нашел труп. – Димитров вскарабкался по мосткам и вошел в развалины, исчезнув из виду.

– Тело достали? – спросил я, залезая следом.

Внутри пахло человеческими экскрементами и тиной.

– Да. Воду еще не сливали. Ждем, пока насос подвезут. Криминалисты взяли пару литров на анализ, соскобы какие-то сделали. В общем, можно осушать.

Я переступил с мостков на полаты, идущие вокруг знаменитой гранитной Царь-ванны, в которой купалась Екатерина Великая. Этого серого каменного монстра не смогли поднять и увезти в Германию в виде трофея даже фашисты – сорок восемь тонн оказались неподъемными. Теперь же вместо молока в ней была желтоватая вода, из которой перед моим приездом извлекли труп.

Лично я принимаю ванну очень редко. Мне попросту лень ждать, пока наберется вода, да и помещаюсь я в нее не целиком. Ноги не распрямишь. Вот если бы у меня была квартира побольше... но это мечты.

Словом, как правило, я принимаю душ. Но иногда все же хочется просто полежать в воде, закрыв глаза, и подумать о чем-нибудь отвлеченном. В таких случаях я всегда потом вылезаю из ванны прежде, чем вытащить затычку.

В детстве мама читала и пересказывала потом отцу книгу, где рассказывалось о змеях, заползавших в канализационные трубы и нападавших на жильцов. С тех пор я опасаюсь скользких тварей и потому не остаюсь там, куда они могут проникнуть через какое-нибудь отверстие.

Все это пронеслось в моей голове, пока я смотрел на воду, заполнявшую каменный резервуар. Здесь, конечно, не было ни труб, ни затычек.

Я поднял взгляд. На стенах виднелись сделанные краской надписи: буквы, цифры и разные символы.

– Эти художества были тут до убийства? – спросил я.

– Велосипедисты говорят, что только те, которые нанесены черной и синей красками, – ответил Димитров. – Те, что белой, – свежие. Думаешь, их оставил убийца?

– Когда велосипедисты были тут последний раз? Не считая сегодняшнего, естественно.

– Вчера вечером. Около половины девятого. Надписей не было.

Я прошелся по полатам, прогибавшимся так, что казалось: вот-вот проломятся, и я полечу вниз. А до пола было метра два – по высоте ванны.

Белые надписи в полутемном помещении выделялись особенно хорошо. Будь я убийцей и если бы хотел обратить внимание полиции на свое послание, выбрал бы именно этот цвет.

Я вгляделся в линии и кружки, тесно выведенные на старых кирпичных стенах.

– Похоже на ноты, – подсказал Димитров, наблюдая за мной.

Он был прав.

– Надо узнать, что это за мелодия, – сказал я.

– Зачем?

– На всякий случай. Сделали фотографии?

– Да. Если надо, могу дать копии.

– Пригодятся. – Я перевел взгляд на ванну. – А откуда здесь вода?

– Без понятия.

– Но не ведром же убийца ее натаскал.

Димитров усмехнулся:

– Надо думать! Ему бы пришлось сутки этим заниматься. Ванна-то огромная.

– А где тело? – спросил я. – Увезли уже?

– Нет, тебя ждали. Хочешь взглянуть?

– Жертву опознали?

– Как тебе сказать. – Димитров смущенно кашлянул. – Это трудновато будет.

– Почему?

– У него нет лица.

– В каком смысле? Изуродовано?

– Содрано.

Я невольно вздрогнул. Вид трупов никогда не оставлял меня равнодушным, а обезображенных – тем более.

– Так будешь смотреть? – предложил Димитров.

– Да. Где он?

– Снаружи.

Мы вышли из развалин и обошли их с левой стороны. Труп лежал в черном пластиковом мешке. Земля вокруг была мокрая.

– Откройте, – кивнул Димитров криминалистам, которые сидели неподалеку и курили. Те нехотя встали и расстегнули молнию.

Я готовился к тому, что увижу, но то, что оказалось внутри мешка, было настолько ужасно, что я едва сдержал рвотный позыв: вместо лица сплошная рана, алая, бордовая, со светлыми жировыми прожилками! Кое-где белели кости черепа, зубы торчали зловеще, как у киношного зомби, а глазные яблоки, лишенные век, «смотрели» в разные стороны.

– Где его одежда? – спросил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Одежды нет, – ответил Димитров. – Он был голый. И посмотри на грудь. Видишь клеймо? Его выжгли еще до того, как бедняга умер. Лицо, кстати, сдирали тоже живьем.

– Откуда это известно? – спросил я, уставившись на крупную цифру «4», багровеющую на фоне бледной кожи.

– Уж поверь! – раздался знакомый голос у меня за спиной. – Я двенадцать лет в судебной медицине.

Обернувшись, я увидел высокого мужчину, с большими, как у панды, глазами, крупным носом и сверкающими в мочках-тоннелях. Он подошел, протирая очки в роговой оправе. На нем был прозрачный пластиковый комбинезон, через который виднелся светло-серый костюм в мелкую полоску.

Это был Федор Полтавин, штатный криминалист нашего «Серийного отдела».

– Привет, – сказал я. – Давно приехал?

– Не очень. Башметов сначала мне позвонил, а потом уж тебя разыскивать начал.

Я перевел взгляд на труп, но тут же отвернулся.

– Значит, можно считать, что имели место пытки?

Полтавин криво усмехнулся:

– Не думаю, чтобы эти издевательства можно было назвать как-то иначе.

– А какова причина смерти?

– Болевой шок. Не выдержало сердце.

Я повернулся к Димитрову.

– Какие-нибудь следы обнаружили? Шины, подошвы? Про отпечатки пальцев пока, наверное, спрашивать рано?

– Их еще будут снимать, – кивнул лейтенант. – А насчет следов – есть несколько узких борозд, думаю, их оставила тачка вроде садовой. Отпечатки шин тоже имеются, довольно широкие, как от грузовичка или другого крупного автомобиля. Полагаю, он такой и должен быть, если на нем убийца привез тачку.

– И еще насос.

– Что? – не понял Димитров.

– Насос. Им была накачана вода в ванну. Больше этого никак не сделать.

– Логично, – подумав, согласился Димитров. – Тогда ясно, для чего он притащил тачку.

– Чтобы перевозить насос, – кивнул я. – И тело тоже.

– С чего ты взял, что жертву убили не здесь?

Я повернулся к патологоанатому, который не уходил, а с интересом слушал наш разговор – словно чувствовал, что еще понадобится.

Пока мы с Димитровым разговаривали, он расстегнул молнию на комбинезоне, достал из внутреннего кармана пиджака круглый диетический хлебец и теперь жевал его, роняя на землю крупные крошки.

– Федя, есть поблизости следы крови?

– Есть, но немного. Думаю, ты прав, и убийца обработал жертву в другом месте, а потом уже привез сюда, чтобы устроить эту жуткую инсталляцию.

– Кстати, для чего ему это понадобилось? – встрял Димитров.

– Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать мотивы убийства, – произнес я. – А мы пока такой информацией не располагаем.

Лейтенант фыркнул:

– Мы вообще ничего про него не знаем! Честно говоря, я думал, что после того, как в Баболовском парке поймали последних маньяков, там будет поспокойнее. И вот тебе пожалуйста!

– Да бросьте! – вмешался в разговор патологоанатом. – Тоже мне, безопасное место! Да я уверен, что сюда никто после девяти вечера не пойдет, даже летом. Я уж молчу про зиму.

– Но зачем тащить труп специально сюда? – возразил Димитров. – Не все ли равно, где его бросить?

– Убийца его не просто привез сюда, – заметил я. – Он прихватил насос и не пожалел времени на то, чтобы наполнить огромную ванну водой. – Я снова обратился к патологоанатому: – Во сколько примерно наступила смерть?

– Между четырьмя и пятью утра.

– Значит, здесь убийца орудовал уже с пяти-шести часов. Опасное время, некоторые уже просыпаются и выходят на улицу.

– Кто, например? – скептически поинтересовался Димитров.

– Хотя бы бомжи.

Лейтенант задумался:

– А ведь верно. Их тут полно, и кто-то мог видеть убийцу или его машину.

– Надо опросить их.

– Я поручу это кому-нибудь.

– Кроме того, преступник наверняка местный.

Димитров усмехнулся.

– Я знаю эту тему, – сказал он. – Типа маньяки охотятся на одной территории и неподалеку от дома.

Я кивнул:

– Да, на хорошо знакомой местности.

– Но что, если это не серийный убийца, – возразил Димитров, – а просто садист, который...

– Об этом можно говорить, только если не будет второй жертвы, – перебил я. На самом деле у меня почти не было сомнений в том, что одной смертью дело не ограничится: когда столько лет работаешь с маньяками, появляется определенное чутье. И Башметов тоже считал, что нашему отделу стоит этим делом заняться. – А теперь давай взглянем на отпечатки шин, – добавил я.

– Ладно, как хочешь. Но готов поспорить, это не серия.

– Давай, я согласен.

– На что? – не понял Димитров.

– Поспорить.

Полицейский приподнял брови:

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

– На что будем спорить?

– Потом решим.

– Договорились! – Димитров протянул руку, я ее пожал.

– Разбей, Федя, не сочти за труд, – попросил я Полтавина.

– Делать вам нечего! – проворчал тот, выполнив, однако, просьбу. – Лучше бы делом занялись.

– Уже идем! – Димитров кивнул мне, и мы двинулись к пруду. – Вот здесь следы становятся заметны, – сказал лейтенант, садясь на корточки и указывая на траву. – И тянутся они до берега, а потом обратно.

– А это отпечатки автомобильных шин? – спросил я, ткнув пальцем в широкие полосы примятых лопухов.

– Точно. Здесь убийца поставил машину, вытащил тачку и насос и покатыл к воде. Затем вернулся и погрузил в тачку труп. Отсюда следы идут и в другую сторону, к ванне. – Димитров отошел на пару шагов влево и показал на борозды, оставленные колесами тачки.

– По отпечаткам шин можно будет определить марку? – спросил я.

– Не знаю. Снимки забрали ваши криминалисты, а что они скажут... – Лейтенант развел руками.

– Надеюсь, хотя бы отпечатки пальцев у убитого сняли?

– Сняли. И даже отправили в отдел, чтобы прогнать по базе. Скоро будут результаты. Если, конечно, жертва привлекалась к ответственности или выезжала за границу, – добавил Димитров. – Если его пальчики нигде не хранятся, дактилоскопия нам его личность установить не поможет.

– Я так понимаю, пока что остается ждать заключения криминалистов?

– В общем, да.

Полтавин и его команда не любили, когда их подгоняют, но работали быстро, и в этом обычно не возникало необходимости.

– Терпеть не могу ждать.

– Увы, такая у нас работа. Не все зависит от...

Димитров не закончил мысль, потому что в этот момент нас окликнул Полтавин:

– Эй, я хочу вам кое-что показать! Думаю, будет интересно.

– Что-то нашли? – спросил я.

– Да. Идемте.

Патологоанатом подвел нас к трупу и указал на место, где было лицо.

– Видите? – Он протянул руку и провел по воздуху пальцем, разделяя кровавое месиво на части, словно прочертил воображаемую решетку. – Здесь на мышцах разрезы, причем некоторые глубже других. Есть следы и на кости.

Я и Димитров невольно наклонились, чтобы рассмотреть то, что показывал судмедэксперт. Теперь, после слов Полтавина, действительно можно было заметить, что убийца полосовал лицо своей жертвы, делая глубокие порезы, причем лезвие иногда доходило до черепа и оставляло на нем небольшие царапины.

Я старался не смотреть на повернутые в разные стороны глаза – почему-то они производили на меня особенно жуткое впечатление.

– Похоже на пирог моей бабушки, – заметил лейтенант через пару секунд. – Когда его нарежут для гостей.

– Более того, – оживился Полтавин, – я заметил также несколько проколов вот здесь, здесь и здесь. После детального обследования, возможно, смогу сказать больше.

- Хорошо, не затягивай, – проговорил я.
- Не собираюсь! – обиделся патологоанатом.
- Извини, это я... так, – спохватился я.

Полтавин махнул рукой:

- Ладно, твое счастье, Валера, что я отходчивый.
- Позвони, как только будут результаты.
- Непременно. Увозите! – скомандовал медэксперт своим помощникам, и они застегнули мешок, скрыв от нас жуткое зрелище человека, лишенного лица.
- Моя жена враз бы в обморок хлопнулась! – проговорил Димитров. – Если бы такое увидела. Она даже когда ужастики смотрит, визжит будто резаная!
- Зачем же смотрит? – удивился я.

Сам я никогда хоррором не интересовался. В детстве было слишком страшно, а потом и так хватало... острых впечатлений.

- А я откуда знаю? – пожал плечами Димитров. – Наверное, расслабляется. Посмотрит ужасы по телику, и жизнь кажется не такой уж плохой.
- Что ж, твоей жене так плохо живется? – усмехнулся я. – Ты, как муж, должен принять меры.
- Я, как муж, скоро, похоже, дома буду через день бывать. Начальство требует результатов как можно быстрее, а я что, волшебник? Так что на тебя одна надежда, специалист.
- Постараюсь, чтобы твоя личная жизнь не рухнула из-за моей нерадивости окончательно, – пообещал я.

Полтавин тем временем ушел вместе с санитарями следить за погрузкой тела, а мы с Димитровым присели на парапет Баболовского дворца.

Лейтенант вытащил из внутреннего кармана куртки сложенные снимки, сделанные «Полароидом».

– Вот пока то, что есть, – сказал он, протягивая их мне. – Попозже будут увеличенные копии. Но здесь тоже все видно.

– Ноты получились не целиком, – сказал я, разглядывая фотографии. – По ним трудно угадать мелодию.

– Ничего, если человек знает, то и так поймет.

– И у кого мы будем выяснять, что это за композиция? – поинтересовался я.

– Покажем снимки какому-нибудь музыканту или композитору – они-то должны узнать мелодию. Вот только что нам это даст? Тем более не факт, что надписи сделал убийца. Те велосипедисты, которые нашли труп, могли и не обратить на ноты внимания, когда были тут в последний раз.

– Могли, – не стал я спорить. – И все же, мне кажется, ноты имеют значение. Хотя я и не знаю, какое.

– Ну, имя убийцы мы в них едва ли прочитаем! – усмехнулся Димитров.

– Имя убийцы, может, и нет.

– Думаешь, тут намек на жертву?

– Почему бы и нет?

– Не проще ли было оставить парню лицо?

Я покачал головой:

– Лицо понадобилось убийце. Оно – часть его ритуала. Может быть, самая важная. Так сказать, ключевая.

– То есть ты все-таки считаешь, что намечается серия? – обеспокоенно спросил Димитров.

– Пока говорить об этом рано, но отметить такую возможность не стоит, – ответил я уклончиво.

– Почему?

– Если человек заиклен на лицах, одного ему будет мало. Уже хотя бы потому, что человеческая плоть недолговечна.

– Думаешь, он хочет сделать из лица маску или что-нибудь в этом роде?

– В любом случае ему наверняка скоро захочется получить новое. Причем, возможно, он даже знает когда.

– С чего ты взял?

Я перебрал фотографии и нашел нужную.

– Смотри, это цифра «4». Убийца выжег ее на груди жертвы.

– Да, я в курсе. И что?

– Почему «4»?

– Не знаю, а при чем тут это? – Димитров забрал снимок у меня из рук и внимательно разглядел. – Может, это буква «Ч»? – предположил он вдруг.

– Может, – согласился я. – Но если это четверка, то мне она напоминает начало обратного отсчета.

– Хочешь сказать, убийца наметил четыре жертвы?

– Похоже на то.

– А зачем ему сообщать нам об этом?

– На это может быть много причин. Но о них лучше расскажут психиатры, а не я.

– Боюсь, с этим у нас несколько напряженно.

– Ничего, мы запросим психологический портрет в управлении. Когда будет более-менее ясна картина преступления.

Димитров вернул мне фотографию.

– Начальство выделило тебе комнату в отделе, – сказал он. – Чтобы ты не мотался из Питера сюда. Так что, если хочешь, можешь там поселиться на время расследования. Или у тебя семья?

Я отрицательно покачал головой:

– Не успел обзавестись.

– Ну, так как? Переедешь?

– Конечно. Надо только прихватить вещички.

Все складывалось весьма удачно: теперь я смогу быть поблизости от охотничьих угодий маньяка все время, а не наездами.

– Тогда давай за ними. За два-три часа управишься?

– Думаю, да.

– Позвони мне, как приедешь, я тебе скажу, куда ехать. Ну, и поселю.

Мы обменялись телефонами.

– Ладно. – Я встал. – На ночь надо будет оставить кого-нибудь здесь.

– Зачем? – удивился лейтенант.

– На случай, если убийца за чем-нибудь вернется.

– Так он же увидит...

– Поэтому сидеть надо тихо и не спугнуть его.

– Ладно. – Димитров явно считал мою затею глупой. – Посмотрим, что можно сделать.

– Я руковожу расследованием, – напомнил я. – Так что найди способ.

– Сказал же: ладно.

– Я позвоню, когда вернусь.

– Угу.

Сунув фотографии в карман, я направился к машине.

Хорошо, что мне дали комнату в Пушкине. Плохо, что я практически не знал его географию, но ведь, в конце концов, для того и изобрели навигатор. Впрочем, лучше изучить карту Пушкина, чтобы не полагаться на прибор всецело, благо город не такой уж большой.

Я поехал домой собирать вещи и, как и предсказывал Димитров, справился за два с половиной часа. Вернувшись в Пушкин, я позвонил от Египетских ворот лейтенанту.

– Ты уже здесь? – удивился он. – Слушай, как доехать до нашего отдела.

Вскоре я припарковался позади трехэтажного здания из серого кирпича с решетками на окнах. Димитров ждал меня внизу на крыльце.

– И все? – Он с удивлением взглянул на спортивную сумку у меня в руке. – Налегке?

– Надеюсь, мне не придется торчать тут вечно, – ответил я.

– Все зависит от тебя. Ты же руководишь расследованием, – саркастически заметил лейтенант.

– Ладно, не прикапывайся, – сказал я примирительно.

– Пойдем, я покажу тебе твои хоромы.

Димитров провел меня вокруг здания к железной лестнице на второй этаж.

– Это здесь, – сказал он, протягивая мне один-единственный ключ с синей пластмассовой биркой. – Заходить не буду, сам разберешься.

– Ок. – Я взял ключ и начал подниматься.

– Как устроишься, приходи, – окликнул меня Димитров. – Будем отчеты писать.

– Всегда мечтал! – буркнул я без тени энтузиазма.

Лейтенант понимающе рассмеялся:

– Да уж, удовольствие то еще!

Когда он скрылся за углом, я отпер дверь. Вошел, зажег свет и огляделся: комната была метров пятнадцать, меблированная и даже с маленьким телевизором, который я, впрочем, смотреть не собирался. На узкой кровати лежало свернутое постельное белье, шерстяное одеяло висело на спинке. Над столом имелась полка, на которой я обнаружил два старых журнала с кроссвордами и три книги в потрепанных обложках: «Тысячекрылый журавль»

Ясунари Кавабаты, «День триффидов» Джона Уиндема и роман Яна Флеминга о Джеймсе Бонде.

Из комнаты вела дверь в совмещенный санузел с душевой кабиной. Первым делом я проверил, работает ли сантехника – к моему удивлению, все оказалось в порядке.

Над пожелтевшей раковиной висело прямоугольное зеркало с трещиной в верхнем правом углу. Я всмотрелся в свое лицо: слегка осунувшееся, небритое, под глазами круги. Надо бы хорошенько выспаться и вообще привести себя в порядок, а то люди скоро перестанут пускать меня на порог, несмотря на удостоверение. Намочив ладонь под краном, я пригладил волосы, ополоснул лицо и вернулся в комнату.

В голову пришло, что эта квартирка – лишний повод сделать все, что возможно, для того, чтобы побыстрее завершить расследование и убраться из Пушкина. Не то чтобы кто-то ждал меня в Питере. С родителями я давно жил отдельно, друзей у меня было мало. Вернее, если уж посмотреть правде в глаза, всего один – Дремин, мой коллега. Остальных сослуживцев можно было считать приятелями, но мы практически не общались вне работы. Девушка... девушка ушла. Я знал, что этим кончится, но от этого было не легче.

Марго хотела детей, а я не представляю, чтобы в моей жизни появился ребенок.

Я не хотел расставаться с ней и старался настроиться на нужный лад. Уговаривал себя, приводил кучу доводов «за», однако чувствовал, что это бесполезно. Я отслеживаю жестоких убийц, настоящих извергов, и в этом смысл моего существования. В перерывах между делами я ищу острых ощущений – гонки, азартные игры, скалолазание, сноуборд.

Я просто адреналиновый маньяк! Такому нельзя заводить ребенка. Конечно, можно сказать, что младенец для мужчины – это тот еще экстрим, но я не считаю, что в данном случае есть место шуткам. Когда видишь, что один человек способен сотворить с другим, начинаешь воспринимать жизнь серьезно. Во всяком случае, в некоторых вопросах.

Марго ушла. Я знал, что она расстроена не меньше, чем я. Мы уже проходили это однажды и вот – наступили на те же грабли.

Говорят, время лечит. Прошло уже четыре месяца, так что была надежда, что скоро я полностью исцелюсь.

Просто, осматривая свою временную квартирку, я подумал, что будь у меня девушка, я не смог бы остаться здесь. Она не позволила бы мне ночевать где-то без присмотра. И, наверное, мне это было бы приятно. Неудобно, но приятно.

Я вытащил вещи, разложил по полкам, причем почти все пространство в шкафу оказалось после этого свободным. Окинув комнату придирчивым взглядом, я решил, что в ней давно не убирались. Взяв стоявший возле двери веник, для начала подмел пол, потом смочил тряпку и протер мебель. Пусть я здесь ненадолго (хорошо бы!), но жить в грязи – не комильфо.

Покончив с уборкой, я достал и подключил ноутбук.

К счастью, в отделе был wi-fi, надо было только узнать у Димитрова пароль. Стационарный телефон висел на стене, рядом с ним – старый календарь за позапрошлый год с обведенными в кружок датами. Он был открыт на июне, и справа от столбиков чисел красовалась цветная фотография прибрежной полосы: песок, свинцово-серая вода и торчащие из нее каменные волнорезы, засиженные крошечными фигурками чаек.

Я открыл единственное окно, чтобы разогнать затхлый воздух, посетил туалет и принял тепловатый душ. Когда мне приходится пользоваться санузлом не дома, я всегда испытываю брезгливый дискомфорт, причем неважно, насколько хороша кафельная плитка или насколько чист фаянс. В квартирке, которую выделил мне Димитров, ремонт делали давно и не слишком старательно. Кажется, в верхнем углу ванной комнаты даже начала заводится плесень. Она напоминала черный налет – словно кто-то взял губку, смочил тушью и слегка прошелся по плитке.

Словом, растягивать водную процедуру я не стал. Быстро ополоснувшись, вылез, стараясь не вставать босыми ногами на пол, а сразу попасть в тапочки, вытерся полотенцем и вернулся в комнату.

На крошечной кухне (скорее, это был закуток, куда втиснули стальную раковину и широкую полку, изображавшую стол) я скептически изучил маленькую

электрическую плитку и чайник, пожелтевший от времени.

«Надеюсь, расследование будет очень быстрым», – снова подумал я, понимая, что надежды на это, мягко говоря, немного.

Даже если убийца предпримет следующие шаги в ближайшее время, это не поможет нам выследить его. Но это будет означать, что он, скорее всего, местный, а не заезжий, а значит, круг поиска значительно сузится. Примерно до ста тысяч человек, обитающих в Пушкине. Хотя нет, надо исключить детей и дряхлых стариков. В общем, все меньше, чем живущих во всей России.

Попытавшись воодушевить себя таким сомнительным образом, я растянулся на кровати. Чистое белье было сложено в изголовье, но сейчас застилать не хотелось. На это еще будет время вечером, когда я соберусь спать. А сейчас надо изучить местность – проще говоря, научиться ориентироваться в Пушкине.

Если я собираюсь заниматься делом всерьез, это необходимо. Поэтому через десять минут я встал и уселся за ноутбук. Работа предстояла немалая с учетом того, что Царское Село – это большой исторический памятник, напичканный памятниками поменьше. И убийца, если он местный, знает их не хуже, чем Баболовский парк. И раз он решил использовать его в качестве места преступления (пусть даже жертву он умертвил не там), стало быть, это имеет для него значение. Кроме того, не хотелось выглядеть необразованным в глазах того же Димитрова.

Словом, я засел за историю и географию Пушкина. Попутно я делал на листках формата А4, которые нашел в ящике стола, наброски карандашом. Рисовать я начал недавно, от нечего делать, но потом увлекся и даже купил книгу-самоучитель, в которой подробно объяснялось, как соблюдать композицию, перспективу, изображать человека и так далее. Сейчас я рисовал мужское лицо – как всегда, абстрактное, не имеющее прототипа.

Прерываясь несколько раз на кофе, я умудрился часа за три расширить свои познания о Царском Селе и пополнить коллекцию рисунков не только портретом неизвестного, но и парой местных пейзажей в готическом стиле, один из которых изображал развалины в Баболовском парке.

Когда я принялся за очередной набросок, намереваясь запечатлеть гранитную ванну, в дверь постучали. Это оказался Димитров.

– Пляши! – сказал он, протягивая мне листок. – Тело удалось опознать. Это Зинтаров Евгений Казимирович, сорок семь лет, холост. Работал учителем химии в одной из местных школ с музыкальным уклоном.

– По отпечаткам пальцев? – спросил я, беря листок.

– По ним. В прошлом году Зинтаров ездил в Лондон, оформлял визу. Тогда с него и сняли отпечатки.

– Отлично. А фотографию достал?

– Держи, если надо. – Димитров протянул снимок.

На нем был запечатлен мужчина плотного телосложения (что было трудно заметить, видя труп, упрятанный в пластиковый мешок), с курчавыми волосами, немного седыми, густыми бровями и маленькими, близко посаженными глазками, похожими на два буравчика. Уголки полных губ были слегка опущены, что придавало лицу капризное и недовольное выражение.

– Не слишком приятный тип, судя по фотке, – прокомментировал Димитров. – Ты, я смотрю, уже устроился. – Он заглянул в дверь.

– Заходи. – Я посторонился.

– Жить тут можно, – продолжал лейтенант, входя в комнату. – Но только если больше нигде. Утешай себя мыслью, что это ненадолго.

– Очень надеюсь. – Я положил листок с данными Зинтарова и его фотографию на стол. – Как продвигается расследование?

– Не знаю, Валера, ты же нами руководишь.

– Давай без сарказма, а?

– Ладно. – Димитров усмехнулся. – В общем, пока ты ездил за вещами и потом тут копошился, я отправил нескольких оперов побродить по Баболовскому парку и поспрашивать местных бомжей, не видели ли они что-нибудь подозрительное ночью. Собственно, поэтому я и пришел.

– Да? А я думал, ты решил сообщить про опознание тела.

Димитров кивнул:

– И это тоже.

– Так что с бомжами? Что они видели?

– Как тебе сказать... – Лейтенант потер лоб ладонью. – В общем, оказалось, что есть некий Васька Глист, его даже свои считают слабоумным. Так вот, он ночью шатался пьяным по парку и видел... демона. Это он так утверждает, – поспешно добавил Димитров, словно опасался, что я подумаю, будто он бредит.

Однако я за время работы в полиции наслушался и не таких показаний. И знал, что порой откровенная на первый взгляд чушь может оказаться ценной информацией.

– Хорошо, демона, – кивнул я. – Допустим. Насколько этот демон может иметь отношение к смерти Зинтарова?

– Похоже, самое что ни на есть прямое.

Я сел на скрипнувший стул.

– Так. Конкретнее можно?

– Похоже, убийца прикончил Зинтарова в двухстах метрах от Баболовского дворца, там же его пытал, а затем, когда учитель умер от сердечного приступа, перевез тело и положил его в ванну. Глист утверждает, что видел демона с белым лицом и огромными зубами.

– Череп?

– Да, что-то в этом роде.

– Похоже, маска.

– Наверняка.

– А убийца видел этого Глиста?

– Нет. Тот от страха онемел и лежал в траве, чуть дыша, пока убийца не увез жертву на тачке.

– Он видел, что тот делал с Зинтаровым?

– Нет, трава слишком высокая. Но до него доносились стоны и мычание. Похоже, рот у учителя был заклеен. Потом убийца погрузил тело в тачку и покатыл в кусты. Машину на которой он уехал, Глист не видел.

– Почему он не сообщил в полицию?

Димитров усмехнулся:

– Потому что думал, ему все померещилось. Он же в дупель был.

– Ясно. Жаль, что наш свидетель, помимо этого, еще и слабоумный.

– Ну, этого я бы не сказал. По-моему, с головой у него все в порядке, просто слишком много бухает.

– В суде его показания не пройдут.

– Может, и нет. А может, и да. Он ведь не видел лица убийцы, так что опознания от него не потребуется. А если мы найдем маску в виде черепа, то это будет уликой.

Я кивнул: лейтенант был прав.

– Что будешь делать? – поинтересовался Димитров.

– Съезжу в школу, где работал Зинтаров. Поговорю с людьми, узнаю, что он был за человек. Плохо, что он жил один, но соседи-то у него, я думаю, были. Так что потом наведаюсь к нему домой и пообщаюсь с теми, кто его знал.

– Хочешь, я съезжу? – предложил Димитров. – Домой, я имею в виду. Тем более там все равно надо делать обыск.

– Хорошо, давай. Потом обменяемся впечатлениями.

– Договорились.

Пока мы разговаривали, Димитров прохаживался по комнате. Увидев книги на полке, он остановился и взял одну из них.

– О, да это же моя, – сказал он удивленно. – Надо же! Я и забыл, что она тут.

– Забирай. Я все равно читать не собирался.

– Напрасно, между прочим. Классная вещь!

– Ты про какую?

– «Тысячекрылый журавль».

– Японец написал, да? – припомнил я.

– Ясунари Кавабата. Лауреат Нобелевской премии, кстати. Отравился газом.

– Суицид?

– Неизвестно. Может, несчастный случай. Он пьян был и посмертной записки не оставил.

– Нравится японская литература?

– Еще как! И не только литература.

– А что еще? Мультики? Комиксы?

– Анимэ и манга, – поправил меня Димитров. – Да, и это тоже. В целом японская культура и эстетика. Я даже татуху себе сделал.

– Какую?

– Маска демона Ханя. По преданию, однажды женщина влюбилась в монаха, но ее чувство осталось безответным. Ярость так исказила ее лицо, что она превратилась в демона. Такую татуировку делали самураи, считавшие, что Хань будет хранить их на поле боя. Основное изображение окружено хризантемами и сакурой, что означает решимость и готовность умереть в любой момент.

– Ты что, «Бусидо» прочитался?

– Было дело. Но я не жалею, что сделал наколку. Красиво, и жене нравится.

– Большая татуха?

– Да на всю спину! Показать?

– Нет, обойдусь.

Димитров почесал нос.

– Хочешь, дам тебе посмотреть какой-нибудь фильм? – предложил он. – У меня большая коллекция. Например, могу принести «Могила светлячков». Великое анимэ Исао Такахата, теперь такое редко снимают. Классика!

– Мультик, что ли?

– Не мультик! – Кажется, Димитров обиделся. – Анимэ!

– Нет, спасибо. Я сюда не мульти... не фильмы смотреть приехал.

Полицейский пожал плечами:

– Ладно, как хочешь. Ну, не буду отвлекать. До скорого.

Когда Димитров ушел, я быстро собрался и поехал в школу, где убитый преподавал химию.

В Пушкине дворцы, церкви и другие исторические памятники соседствовали с многоэтажками и маленькими домиками этажа в два-три. Можно было свернуть на узкую улочку и попасть в другой мир – подобие спального района, застроенного хрущевками из серого кирпича, затем вырुлить к коттеджам, обнесенным черной оградой, а потом вдруг оказаться перед огромным новым зданием из бетона и стекла. То там, то здесь велись работы: рылись котлованы, вбивались сваи, крутились бетономешалки. Жилье в Пушкине было дорогое, и площадь стремительно застраивалась.

Школа оказалась четырехэтажным зданием бледно-желтого цвета, с белыми колоннами у входа и лепниной вокруг готических окон. На первом этаже стояли решетки, закрытые на висячие замки. Их можно было отпереть изнутри – например, во время эвакуации при пожаре. Это в теории, конечно.

Я с трудом представлял себе, чтобы в панике кто-то бегал от окна к окну с ключом и приговаривал: «Погодите, ребятки, я сейчас вас выпущу! Вот только распахну решеточку».

Когда-то в доме проживала аристократическая семья, но после революции владельцам пришлось бежать в Константинополь. В их доме сначала был молодежный клуб, затем детский дом, а потом школа. В конце девяностых она стала общеобразовательной с музыкальным уклоном.

Все это мне рассказала консьержка на первом этаже, которая, выяснив, что я из полиции и мне нужен директор, стала чрезмерно разговорчивой: видимо, почувствовала, что может первой узнать что-нибудь интересное. Но я о цели визита не распространялся, и в конце концов она сдалась и указала мне путь к кабинету директора.

Тот был на месте и очень удивился, когда я появился у него на пороге и первым делом показал удостоверение.

– Вы из прокуратуры? – спросил он недоумевающе. – Но на нас не поступало никаких жалоб.

– Я по другому делу. Разрешите? – Я указал на стул.

– Конечно, садитесь. Что случилось?

– У вас работает Зинтаров Евгений Казимирович?

– Да, конечно. Он ведет химию.

Если верить табличке на двери кабинета, директора звали Федор Степанович Короб. Это был мужчина плотного телосложения с прилизанными на левую сторону остатками светлых волос, с одутловатым лицом человека, который любит на ночь глядя приложиться к бутылке. Под светло-голубыми глазами набрякли темные мешки, белки выглядели воспаленными.

Я заметил у него на столе капли и упаковку таблеток от несварения. Я сам иногда принимал такие. В последнее время желудок пошаливал: стоило съесть что-нибудь мучное, и начиналась изжога.

– Что-нибудь случилось? – обеспокоенно спросил Короб.

– Зинтаров найден сегодня утром убитым, – ответил я.

– Что?! Как?! – Директор был в шоке. Он зашарил руками по столу, явно растерявшись. – Мы звонили ему сегодня, когда он не вышел на работу, никто не отвечал ни по домашнему, ни по сотовому.

– Когда это было?

– С девяти до двенадцати утра примерно.

– Он был уже мертв.

– И... как это случилось? – Короб взял в руки ручку, отложил, провел пальцами поочередно по степлеру, маленьким латунным часам и страницам настольного календаря.

– Пока что не могу ничего вам рассказать. В интересах следствия.

Короб мелко закивал:

– Понимаю, понимаю. Чем могу помочь?

– У Зинтарова были какие-нибудь неприятности? Конфликты с коллегами, родителями, учениками? Он ни с кем в последнее время не ссорился?

– Насколько мне известно, Евгений Казимирович жил один и был очень замкнутым человеком. Он не общался даже с другими учителями. Полтора месяца назад на него подали жалобу из-за того, что он очень строго ставит оценки и предъявляет высокие требования. Но это ерунда. Просто некоторые родители не могут смириться с мыслью, что их дети учатся хуже других. И вместо того чтобы самим взяться за воспитание своего ребенка, пытаются переложить вину на школу.

– Кто подал на него жалобу?

– Не знаю. Письмо пришло по электронной почте и не было подписано.

– И вы рассматриваете такие жалобы?

Короб развел руками:

– Приходится. Но, как я уже сказал, эта не была обоснованной.

– Зинтаров знал о ней?

– Конечно. Я показал ему письмо.

– Как он отреагировал?

– Никак. Заговорил о другом. Думаю, его это не взволновало.

– У вас есть электронный адрес отправителя анонимки?

– Да. – Директор порылся в ящике стола и достал распечатку. – Пожалуйста.

Я взял листок и пробежал глазами. Текст был невыразительный, с парочкой орфографических ошибок. Похоже, что его писал ребенок. Наверное, кто-то из учеников решил отомстить учителю за двойку. На распечатке был и электронный адрес отправителя письма, но что это могло дать? Проще всего зайти в интернет-кафе, завести бесплатный почтовый ящик, указав вымышленную фамилию, и отправить послание.

– Вы этот листок показали Зинтарову? – уточнил я.

– Да, именно его.

– Можно его забрать?

– Да ради бога, – Короб рассеянно поглаживал небольшую бронзовую статуэтку на подставке красного дерева.

Фигурка походила на толстенького крылатого человека с клювом вместо носа и птичьими лапами ниже колен.

Я сложил распечатку и положил в карман.

– Больше никаких странных посланий не приходило?

Короб пожал плечами:

– Как вам сказать.

– Лучше всего как есть.

– Было одно письмо. Позавчера прислали. По-моему кто-то просто ошибся адресом, или оно случайно пришло на ящик школы. Может, какой-нибудь сбой или...

– Разрешите взглянуть?

– Пожалуйста. Сейчас открою. – Короб чуть развернул монитор и придвинул клавиатуру. – Вам распечатать?

– Давайте.

Через пару минут директор вытащил из принтера и протянул мне через стол листок. Я начал читать и сразу понял, что письмо не могло прийти на ящик школы случайно. Убийца о чем-то хотел предупредить, вот только сделал он это в странной форме.

Текст был такой:

«Амбра, душистая амбра, скольких ты и мух и червей

Предохраняешь от тленья!

Амбра – поэзия: что без нее именитость людей?

Блеск метеора, добыча забвенья!»

Внизу же вместо подписи был рисунок черепа, причем довольно странный – словно кто-то нарисовал его поверх лица, заштриховав вокруг глаз, на месте носа и выведя вместо губ оскал.

Мне вспомнился документальный фильм про мексиканский Праздник мертвых, который я смотрел однажды по телевизору.

Адрес отправителя тоже пропечатался.

– Что скажете? – спросил Короб.

– Чье это стихотворение?

– Не знаю. Не выяснял.

– Больше ничего не было?

Директор отрицательно покачал головой.

– Это все.

Я убрал листок.

– С кем мне лучше всего поговорить о Зинтарове? Кто знал его лучше других?

– Честно говоря, не думаю, чтобы он с кем-нибудь общался. Говорю же, он был очень замкнутым и нелюдимым. Знаю только, что он ходил в церковь и вроде даже к батюшке какому-то.

Это было интересно.

– В какую церковь?

– Святого Апостола Иоанна. Адрес, если честно, не помню.

– А имя батюшки?

– Не знаю. Мне вообще о том, что Зинтаров в церковь ходит, рассказала одна наша учительница, а ей – ученики. Они просто его там видели.

– Понятно. – Я взглянул на часы. Было половина четвертого. – Вы не против, если я поброжу по школе, может, пообщаюсь с учителями.

– Пожалуйста, только почти все уже ушли домой. Время-то не учебное, поэтому работаем до двух, максимум до трех.

– Ничего, может, кто задержался. – Я вспомнил, что у меня в кармане лежат фотографии нотной записи со стены Баболовского дворца, и решил проконсультироваться у кого-нибудь, рассудив, что в школе с музыкальным уклоном должен найтись человек, который узнает мелодию.

Если она вообще существует, конечно. Потому что оставался и такой вариант, что убийца зашифровал нотами что-то другое. Правда, я не представлял что. Ну, или преступник мог сам сочинить музыку. Тогда, возможно, мне ее кто-нибудь наиграет.

Словом, я отправился на поиски учителей.

Обойдя второй этаж, на котором располагался кабинет директора, и никого не найдя, я спустился вниз. Здесь мне повезло больше: из правого крыла доносились музыка и голоса.

Я направился туда. Приоткрыв дверь, я увидел большой зал с зеркалами на стенах, вдоль которых были установлены перекладины. Кажется, они называются балетными станками. Навстречу мне шли люди возрастом примерно от семнадцати до тридцати лет. От них разило потом и дезодорантами. Судя по всему, только что закончилось какое-то занятие.

Я посторонился, пропуская поток. Когда последний человек вышел, я проскользнул внутрь. Девушка с собранными в хвост волосами цвета меди сняла ногу с перекладины и взяла висевшее рядом полотенце. Вид у нее был усталый, я бы даже сказал, изможденный.

– Добрый день, – проговорил я, останавливаясь в дверях. – Не помешаю?

Она обернулась. Глаза у нее были с необычным разрезом: внешние уголки чуть приподняты, как у кошки.

– Здрасьте! – кивнула она, отведя со лба прилипшую прядь. – Занятие закончено, запись по понедельникам и четвергам. Приходите завтра.

– Я не собираюсь ходить к вам на танцы, – сказал я, понимая, что вышло недоразумение.

– Да? Напрасно.

– Почему?

Девушка окинула меня профессиональным взглядом:

– Ну, хотя вы и в неплохой физической форме, животик уже начинает наклевываться.

– Неужели? – Я машинально опустил глаза и уставился на футболку.

– Пока ничего критического, конечно, но лучше не запускать, – сказала девушка. – Танцы быстро вернут вам рельефность. Такие дела.

– Ну, в каком-то смысле я и так танцор.

– Это в каком же? – Вопрос позвучал скептически.

– Что, не похож на балерину?

– Не особенно. А вам кажется иначе?

Я усмехнулся:

– Упаси боже!

– Так что вы имели в виду?

– Я занимаюсь капоэйрой.

– Правда?

– Да. Много лет.

– Ладно, допустим, на мои занятия вы не планируете записываться. Тогда что вы хотите? Потеряли кого-нибудь? – Девушка вытерла полотенцем шею и плечи, взяла бутылку с водой и принялась медленно отвинчивать крышку.

– Нет, – я направился к ней, доставая удостоверение, – старший лейтенант Самсонов, из полиции.

– Серьезно? – Она сделала несколько жадных глотков. – Что случилось?

– Я расследую смерть вашего коллеги.

– Андрея? – Взгляд у девушки сделался испуганным. – Он умер?

– Нет, я говорю о Евгении Казимировиче Зинтарове, учителе химии.

– А-а, – протянула девушка с облегчением. – Значит, он умер? Когда?

– Сегодня ночью.

– Понятно. А от чего? Инфаркт?

– Нет, его убили.

Девушка вздрогнула:

– Правда? Кто?

– Не знаю пока. Потому и расследую.

– А-а. Ну да. Логично. Извините, я плохо соображаю сейчас, потому что устала. Конечно, если бы смерть была... естественной, вы бы не пришли.

– Ничего. А кто такой Андрей?

– Мой напарник. Мы с ним ведем танцевальные классы. Сегодня моя смена, а завтра – его.

– Я уж не думал, что застану кого-нибудь, – сказал я. – На втором этаже только ваш директор.

– Да, Федор Степанович поздно уходит. А у меня вечерняя группа. На самом деле она дневная, конечно, просто так называется. Я скоро тоже пойду.

– Постараюсь вас не задерживать. Может, уделите мне десять минут?

– Ну, давайте. Заодно немного остыну.

– Вы хорошо знали Зинтарова? Ваш директор сказал мне, что Евгений Казимирович почти ни с кем не общался, так что, наверное, нет, но я должен спросить, сами понимаете.

Девушка кивнула. Фигура у нее была отменная – этого не заметить было нельзя.

– Правильно вам Федор Степанович сказал. Зинтаров ни с кем и словом иногда не перемолвился за весь день. Ходил как сын, глядел так, что даже здороваться с ним не хотелось. Тем более он обычно и не отвечал.

– Простите, а как вас зовут? – Я вытащил блокнот, хотя был уверен, что и так запомню.

– Аня. То есть Анна Вячеславовна Федотова.

Я старательно записал.

– Вы, как я понял, преподаете танцы.

– Ритмику. Детям – ритмику, взрослым – латино и современные танцы.

– Понятно. Замужем? – Я постарался сделать серьезное лицо.

– Пока нет. Но надежды не теряю.

– А ваш напарник, Андрей? – ляпнул я прежде, чем успел подумать, как это прозвучит.

– Он тоже не замужем, – ответила Аня. – Насчет его надежды, увы, ничего сказать не могу.

Я вымученно рассмеялся, чувствуя себя полным придурком.

– Извините, – сказал я. – Просто я подумал...

– Вы что, клеитесь ко мне? – вдруг спросила девушка.

– С чего вы взяли? – опешил я, хотя, наверное, выражение лица выдало меня с потрохами.

– А зачем выясняете, не встречаюсь ли я с Андреем?

– Да я и не думал, – заявил я наконец, взяв себя в руки.

– Да? – Брови у Ани взметнулись вверх. – Ну, ладно, как скажете. Значит, показалось.

Я откашлялся.

В конце концов, представитель закона должен быть суров, брутален и поглощен работой.

– Так встречаетесь или нет?

Она рассмеялась:

– Нет. Он не в моем вкусе.

– А вы?

– Что я?

– Вы тоже не в его?

– Думаю, он не гей, но лично мной не интересуется. По крайней мере...
Слушайте, это становится похоже на какой-то нелепый допрос! Вам не кажется?

– Думаю, я уже выяснил, что хотел.

– Может, перейдем к делу, а то мне еще в душ идти.

– Конечно. – Я достал из кармана фотографии стен Баболовского дворца. – Аня, вы разбираетесь в музыке?

– Приходится по роду занятий. А что?

Я протянул ей снимки.

– Можете сказать, что это за мелодия?

Аня смотрела на фотографии минуты две, потом спросила:

– А какое это имеет отношение к вашему расследованию?

– Эти надписи предположительно оставил убийца на месте преступления.

– Серьезно? Жуть какая!

– Узнаете мелодию?

– Что-то знакомое, но не могу сообразить. Постойте-ка, надо наиграть. – Аня подошла к стоявшему в углу пианино и поставила фотографии на пюпитр. – Кажется, так, – пробормотала она.

Взяв несколько аккордов, она стала играть более уверенно, звуки слились в мелодию. На Анином лице появилась улыбка.

– Теперь узнаете? – спросила она, когда я подошел.

– Нет.

– Неужели? – Она была удивлена. – Это же ария Марии Магdalены!

– Боюсь, я не такой уж большой поклонник оперы.

Аня понимающе кивнула:

– И тем не менее это она. Хотите, сыграю целиком?

– Не надо! – выпалил я, пожалуй, чересчур поспешно.

Музыку я люблю, но слушать сейчас арии... не подходило ни время, ни место.

Девушка прекратила играть и пожала плечами:

– Ладно, как знаете. Опера называется «Иисус Христос – суперзвезда». Слышали о такой?

– И даже видел по телевизору, – ответил я.

– Ну, вот. Надеюсь, я вам помогла?

– Не то слово. Сам бы я никогда не догадался.

– Ну, вам бы помог кто-нибудь другой.

– Лучше вы.

Аня встала и направилась к одной из дверей.

– Если это все, что вы хотели узнать, то я в душ.

– Можно я вас потом подвезу? – Я решил идти до конца.

– Да ради бога! – Аня исчезла за дверью, прихватив с собой полотенце.

Я сел на один из трех стульев и достал стихотворение, пришедшее на ящик школьной почты. Оно было посвящено амбре. Знать бы еще, что это такое. Вообще слово было знакомое и что-то напоминало.

Подумав, я понял, что именно: английское слово «amber», «янтарь». Но в стихотворении речь шла о «душистой амбре», значит, это что-то вроде благовония или специи. Словом, надо будет выяснить.

Аня появилась минут через пятнадцать. Теперь она была в платье до колен, белых босоножках, а в руке держала небольшую спортивную сумку. Волосы она распустила, они были еще немного влажными.

– Я готова, – сказала она.

– Отлично! – Я приветливо улыбнулся.

Мы вышли из школы и сели в мою машину.

– Что это у вас за тачка? – спросила девушка. – Впервые такую вижу.

– Олдсмобиль. Мотор я перебрал, чтобы участвовать в гонках хот-роадов.

Аня забавно нахмурила лоб:

– Хот-роадов? А это законно?

– Ну, как сказать.

Девушка усмехнулась:

– Понятно! Мальчишки есть мальчишки.

– Куда едем?

– Ко мне домой.

– Я понимаю. Где вы живете?

Аня рассмеялась:

– Да, точно! Мы же едва знакомы. Вернее, толком даже и не знакомы. Вы мне называли только свою фамилию.

– Валера, – представился я.

– Очень приятно.

– А мне-то как.

Аня назвала мне адрес, и я удовольствием отметил, что это не совсем рядом, а значит, еще минут десять мы проведем вместе. В последнее время я все чаще склонялся к мысли, что так никогда и не женюсь, но это вовсе не значило, что я решил податься в монахи.

– Знаете, я еще не очень хорошо ориентируюсь в Пушкине, – сказал я. – Дорогу покажете, если что?

– Конечно, – Аня улыбнулась, – поработаю для вас навигатором.

– Отлично, – кивнул я, заводя мотор.

– Зачем убийца оставил на месте преступления нотную запись этой мелодии? – заговорила Аня, едва мы отъехали от школы.

– Пока не знаю. Думаю, это что-то вроде послания.

– Какого послания?

– Может быть, убийца хочет объяснить, почему прикончил Зинтарова.

– Вы мне не скажете, где его убили?

– Ну, почему? Скоро об этом все равно будут трубить на каждом углу. Только пообещайте никому не говорить хотя бы пару дней.

Аня торжественно подняла правую руку:

– Клянусь!

– Тело нашли в Царь-ванне.

– В Баболовском парке?

– А есть еще одна?

– Нет. Конечно, нет. Это я так. Ляпнула от удивления. И как его убили?

Я бросил на девушку любопытный взгляд:

– А вы кровожадная.

– Вовсе нет. Просто любопытная. Кстати, через пятьдесят метров поворот направо, – добавила Аня, изображая навигатор.

Я кивнул:

– Понял.

– Так как умер Зинтаров?

– Этого я точно не скажу.

– Ладно. А убийца оставил еще какие-нибудь послания?

Взглянув в Анины глаза, я увидел в них блеск. Похоже, она действительно заинтересовалась смертью Зинтарова.

– Что вы знаете про амбру? – спросил я.

– Амбру? – Девушка нахмурилась. – А она-то тут при чем?

– И все же?

– Ну, ее используют при изготовлении парфюмерии. Она связывает запахи, не дает аромату испаряться слишком быстро. Собственно, поэтому сильные запахи и называют «амбре». Такой сорт духов был, кажется, в девятнадцатом веке. С очень резким запахом. Он не пропадал даже после стирки белья.

– А амбра как-нибудь связана с янтарем? – спросил я наугад.

– Не знаю. Звучание похоже. Кажется, по-английски это будет «amber».

– Да, именно так.

Аня пожала плечами:

– Не знаю, какую связь вы хотите установить. Я только могу сказать, что вроде есть такая латвийская парфюмерная компания, «Дзинтарс». Ну, и район в Юрмале, конечно. Он называется Дзинтари.

– А при чем тут... – начал было я, но тут же сообразил: – Дзинтари – это янтарь?

Аня кивнула:

– Ну, да. Сейчас – налево!

В голове зазвучали два слова: «Дзинтари – Зинтаров»! Связь была очевидна. Получается, убийца прислал на школьный электронный ящик стихотворение, в котором содержалась подсказка, кто будет жертвой.

Разумеется, он не мог рассчитывать, что директор или еще кто-нибудь правильно поймет его, значит, не хотел, чтобы ему помешали. Получается, он отправил письмо для полиции, которая должна была натолкнуться на него уже после убийства. Зачем? Ответ напрашивался только один: чтобы было ясно, что и на имя второй жертвы будет подсказка!

Значит, мы имеем дело с типом маньяка, который принято называть «зазывалой» – он оставляет след для полиции, играет с ней. В том, что скоро обнаружится второй труп, я уже почти не сомневался.

Теперь я увидел смысл подсказки: Амбра – Amber – Янтарь – Дзинтари – Зинтаров. Получается, и в нотной записи арии Марии Магдалены должен содержаться намек на чье-то имя. Допустим, это «Мария». Магдалена – не самое распространенное имя в России, так что его едва ли стоит рассматривать всерьез. Но этого мало. Должно быть указание на фамилию. Однако больше никаких записей на месте преступления не было, ноты – единственное послание убийцы.

– О чем вы задумались? – спросила, глядя на меня, Аня.

– О том, как расшифровать... словом, я предполагаю, что преступник каким-то образом намекает на имя следующей жертвы. Вот только не могу пока понять, как именно.

– Какой еще следующей жертвы?

Я понял, что проболтался.

– Обещаете молчать?

– Уже.

– Хорошо, я скажу. Раз уж вы мне помогли.

Девушка хмыкнула.

– Если вам так проще.

– Я думаю, что преступление совершено серийным убийцей. Дело в том, что на груди Зинтарова поставлено клеймо – цифра «4», кроме того, в школу пришла подсказка. – Я протянул Ане распечатку со стихотворением. – Амбра созвучно янтарю. Дзинтари.

– А Дзинтари – Зинтарову, – понимающе кивнула девушка, читая. – Это же Гнедич!

– Кто? – насторожился я.

– Автор стихотворения. Он жил в девятнадцатом веке.

– Да, я знаю. Как вы узнали? Помните его стихи наизусть?

– Некоторые. Вообще люблю поэзию. Вас это удивляет?

– Немного, если честно.

– Вы не уникальны. В этом плане, по крайней мере.

– Надеюсь, не разочарую вас в чем-нибудь еще.

Аня усмехнулась:

– Давайте вернемся к убийце.

Я тоже улыбнулся:

– Давайте.

– Значит, он дал подсказку, кто будет первой жертвой. И вы считаете, что будут еще три. Так?

– Отлично соображаете.

– Спасибо. Полагаю, вы считаете, что ноты, которые вы мне показывали, – это намек на имя следующей жертвы.

– Мне кажется, это только часть послания, – признался я.

– Мария?

– Да.

– А, понимаю! Нужна фамилия.

– Не помешала бы.

– Но почему?

– В смысле?

– Почему вы думаете, что должна быть фамилия?

– Но без нее...

– Просто ведь в стихотворении Гнедича нет никакого имени. Только фамилия.

– Думаете, убийца подсказывает что-то одно?

– Почему бы и нет?

Я пожал плечами.

– В школе всего один Зинтаров. Имя указывать необязательно. А попробуй найди Марию.

Аня задумалась.

– Знаете, а ведь вы правы! – сказала она минуты через две. – Действительно, незачем уточнять фамилию, если в школе только один человек с подходящей фамилией. Так, может, и с именем то же самое?!

– Что вы имеете в виду? – не понял я.

– А вдруг следующая жертва тоже работает в нашей школе?

– У вас есть кто-то по имени Мария? – Девушка вполне могла оказаться права.

– Конечно! – Аня принялась загибать пальцы. – Мария Викторовна Коночкина, учительница английского. Мария Борисовна Фистулова, аккомпаниатор, часто мне помогает, и Мария Кирилловна Суханова, наш завуч.

– Великоват выбор, – заметил я.

– Можно последить за всеми.

– Думаете? Мне кажется, это грубовато для убийцы, которого мы ловим. Он все так тщательно продумал.

– Что именно?

– Не могу сказать.

– Жаль. – Аня выглядела по-настоящему расстроенной. – Ну, ладно. В конце концов, я просто хотела вам помочь. Такие дела.

– Не обижайтесь.

– При чем тут это?

Минуту мы ехали молча. Соображала девушка хорошо и предположения высказывала здравые, но она была учительницей, а не следователем. Не стоило обсуждать с ней убийства, какой бы симпатичной она ни была.

– Через двадцать метров поверните направо, – проговорила Аня, снова изобразив навигатор.

– У вас хорошо получается, – сказал я примирительно.

– Да ладно! – отмахнулась Аня.

– Слушайте, а что вы знаете о Царь-ванне? – спросил я, чтобы возобновить разговор. Все-таки заканчивать наше знакомство на не самой радужной ноте не хотелось.

– Да почти ничего. Там плавала Екатерина в молоке. Еще ванну не смогли увезти в Германию фашисты. В общем, то же, что и все. Кстати, сверните направо – я там живу.

Я крутанул руль, поскольку мы едва не проскочили нужный поворот, и въехал во двор.

– Сюда, – показала Аня.

Я остановился напротив парадного.

– Спасибо, что подвезли. – Девушка открыла дверь.

– Был рад познакомиться, – быстро сказал я.

– Я тоже.

– Оставьте мне свой телефон. На всякий случай.

– Хотите сделать меня консультантом? – усмехнулась Аня.

– Если вы не против, – слукавил я.

– Записывайте.

– Минутку.

Она продиктовала мне номер.

– Кстати, у вас приятная улыбка, – сказала Аня, когда я сохранил ее контакт в мобильнике. – Доброжелательная.

– Да? Спасибо.

Такого комплимента мне еще ни разу не делали.

– Может, еще увидимся. – Она мимолетно улыбнулась и выскользнула из машины. – Пока!

Я проследил за тем, как она открыла дверь и скрылась на лестнице, и начал разворачиваться.

Может, Аня была права, и убийца считал, что уточнений не требуется, но интуиция мне подсказывала, что это не так. И раз уж в нотах не было иной подсказки, кроме имени, фамилию следовало искать в том, что осталось – месте преступления. Вероятно, оно само по себе и было частью послания.

Я решил выяснить все, что можно, о Царь-ванне и Баболовском дворце. Когда убийца наметил разделаться со следующей жертвой, неизвестно, значит, надо торопиться, чтобы опередить его.

Я поехал в Баболовский парк. Дорога заняла четверть часа.

В темноте парк выглядел особенно запущенным и пустынным. Как в лесу! Не хотел бы я оказаться здесь часов в двенадцать ночи в полном одиночестве – жуткое ощущение, наверное. Среди деревьев быстро теряешь чувство направления, и кажется, что никогда не выберешься. Тебя охватывает паника, и ты бежишь, не обращая внимания на ветки, хлещущие тебя по лицу, пока не споткнешься о какой-нибудь корень и не растянешься на влажном мхе. И все это время кажется, что нечто следит за тобой из-за толстых стволов, всматривается из темноты и ждет, когда ты повернешься спиной, чтобы мгновенно напасть.

Когда я припарковался возле развалин, ко мне направился полицейский с фонарем. Я с удовлетворением отметил про себя, что Димитров выполнил мое распоряжение и выставил на ночь охрану.

– А, это вы. – Полицейский меня узнал и посторонился. – Что-нибудь случилось?

– Нет, – я зашагал к развалинам, – а у вас тут?

– Приходили туристы и местные, мы их разогнали. Даже один репортер объявился. Его мы тоже выставили.

– Документы у всех спрашивали?

– Нет. А надо было?

Я воздержался от комментариев: следовало самому предупредить Димитрова, чтобы он дал указание регистрировать каждого, кто проявит интерес к Царьванне. Мой прокол, и нечего валить недовольство на парня, который просто делает то, что ему приказали.

– Теперь спрашивайте, – сказал я. – И записывайте фамилии и прочее. Ясно?

– Да.

– Детей можете пропускать. Но сначала узнавайте, не просил ли их кто-нибудь сбегать посмотреть, что тут делается.

– Хорошо. – Полицейский шел за мной, не отставая ни на шаг.

– Вы тут один?

– Нет, нас двое. Паша дежурит с той стороны.

– Ладно. Мне надо побродить тут, еще раз все осмотреть. Не обращайтесь на меня внимания.

Полицейский пожал плечами и отошел.

Я влез в овальную комнату и немного прошел по скрипящим полам. Наверное, фрейлины, которые сидели на них когда-то, не предполагали, что императорская ванна станет местом, где будет плавать лишенный лица труп.

Я не знал, что рассчитывал обнаружить. Местные полицейские и криминалисты облазали все вдоль и поперек, проверили каждую из восьми комнат дворца. И не нашли ничего, что указывало бы на убийцу или следующую жертву.

Я присел на корточки и уставился на ванну. Ночью, когда здесь орудовал убийца, место, должно быть, выглядело просто жутко. Эдакий каменный колодец с единственным щербатым проломом, наполненный запахом дерьма, мочи и тухлой воды.

Я достал телефон и вышел в Интернет. Нашел статью о Баболовском дворце и принялся читать. Через некоторое время у меня появились такие варианты фамилий: Потемкин, Романов, Вельо, Стасов, Суханов, Бетанкур. Все эти люди имели то или иное отношение либо к строительству, либо к истории дворца. Конечно, только некоторые фамилии выглядели перспективно, но я из аккуратности выписал в свой блокнот все до единой. Затем набрал Анин номер.

– Алло? – раздался через несколько секунд ее голос.

– Это лейтенант Самсонов.

– Что-то вы больно быстро! – усмехнулась девушка.

– Простите, что беспокою.

– Да ничего.

– Не могли бы вы еще раз назвать полные имена учительниц из вашей школы? Ну, тех, которые Марии.

– А-а. Да пожалуйста.

Я приготовился записывать.

– Мария Викторовна Коночкина, Мария Борисовна Фистулова, Мария Кирилловна Суханова.

Записывая последнюю фамилию, я на мгновение замер. Меня словно окатило горячей волной.

– Спасибо, – сказал я, закрывая блокнот. – У вас случайно нет их телефонов?

– Только Марии Борисовны. Да и то потому, что она мне иногда аккомпанирует. Дать?

– Не надо.

– Вы что-то раскопали?

– Нет. – Я не собирался докладывать девушке о ходе расследования.

– Чей именно телефон вы хотели у меня узнать?

– Простите, мне надо бежать. Пока!

Я отключился и торопливо вышел из овальной комнаты. Бежать действительно было надо, вот только куда? Как и где узнать адрес этой Марии Кирилловны, чья фамилия совпала с фамилией мастера, изготовившего гранитную ванну?

Во всяком случае, Аня оказалась права: вторую жертву убийца наметил тоже из школы. Вот и тот фактор, который их объединяет. Иногда найти его – значит обнаружить ключ к личности убийцы.

Я уже собирался было припустить к машине, когда мне показалось, будто среди деревьев мелькнуло что-то светлое. По идее, это мог быть только человек. Не полицейский – те были в форме. Кто-то посторонний, кому находиться здесь не полагалось.

Я вытащил из кармана куртки фонарь, прихваченный из машины, но до сих пор не пригодившийся (стемнеть успело несильно, и в общем-то видно вокруг было хорошо), и остановился, всматриваясь в заросли. Откуда-то издалека донеслись пьяные выкрики, протяжно и злобно прогудел грузовик.

Я двинулся туда, где заметил светлое пятно. Свободной рукой достал из кобуры пистолет, но снимать с предохранителя пока не стал. Медленно шагая, старался уловить хоть какие-то признаки присутствия в зарослях живого существа. В том, что мне не привиделось, я был уверен. В голову пришло, что сейчас я представляю собой отличную мишень. По спине пробежал холодок. Сжав пистолет сильнее, я сделал еще несколько шагов.

Нечто метнулось прочь, ломая кусты. Светлое пятно, хорошо различимое в темноте.

– Стой! – машинально крикнул я и кинулся следом, стараясь светить фонариком, но он был слишком маленьким.

Через несколько секунд я понял, что преследую не одного человека, а двоих. Они бежали друг за другом, не оглядываясь и, похоже, не разбирая дороги. Неожиданно раздался вопль ужаса. Его издал тот, что чуть поотстал.

Я остановился как вкопанный.

Дети! Черт возьми, это были просто пацаны, из любопытства притащившиеся в парк поглядеть на место преступления. Куда только смотрят их родители? В такой час дети должны сидеть дома, а не болтаться в темноте без присмотра.

Я еще несколько секунд слушал, как трещат кусты и ветки под ногами улепетывавших мальчишек. Во всяком случае, это будет им уроком, и сюда они больше не придут.

Поводив вокруг себя фонарем, я вдруг понял, что справа от меня часть парка обтянута желтой ограничительной лентой. Должно быть, это именно то место, где убийца разделался со своей жертвой, прежде чем перевезти тело на тачке в каменную ванну. Неподалеку отсюда лежал в траве обмерший от страха Глист и наблюдал за тем, как орудует преступник. Должно быть, он решил, что допился до чертей и видит одного из них.

Я прошел через заросли, приподнял ленту и оказался посреди высокой травы. Полянку окружали деревья, смыкаясь с одной стороны довольно плотной стеной. Над их раскидистыми вершинами светлела бледная, призрачная луна.

Лента отгораживала небольшую территорию, так что отыскать участок, где трава была примята, труда не составило. Я пошарил по земле фонарем, опустился на четвереньки и тщательно осмотрел все вокруг. Криминалисты, конечно, сделали это до меня, но я должен был представлять место, где убийца совершил свое... А что, собственно, это было? Какое значение преступник придавал своим действиям?

Я встал и огляделся.

Темнота и тишина. Ощущение одиночества. Что-то дикое было в этих скрюченных деревьях, неухоженных кустах, нестриженной траве.

Лес! Убийца охотился в нем словно зверь, хищник, терзающий добычу, пока трусливые гиены ждут, чтобы полакомиться тем, что останется. Он кромсал плоть, слушая скрежет стали о кости черепа, сдирал ее лоскутами, наблюдая за тем, как постепенно лицо превращается в багровый оскаленный остов с выпученными глазами и оскаленными зубами. Что он чувствовал? Страх? Торжество? Упоение? Всесилие? Или его направляли боль и ненависть?

Ответы на эти вопросы можно было найти, если повезет, только со временем, но одно я понял, одно ощутил: здесь, в этом темном лесу, наедине с окровавленным телом, убийца чувствовал себя в своей тарелке!

И еще мне очень захотелось своими ушами услышать рассказ Глиста.

Я покинул огороженную лентой территорию, светя себе под ноги фонариком, добрался до машины, сел в нее, развернулся и погнал в отдел: надо было пробить Суханову по адресной базе.

Добрался я минут за тридцать, благо машин на дороге почти не было, и сразу отправился искать кабинет Димитрова. Он оказался на месте, несмотря на позднее время. С ним была молодая женщина в ярко-синем коротком платье и песочного цвета сандалиях на босу ногу. Она сидела на маленьком диванчике, и,

когда я вошел, чуть приподняла брови. Лицо было красивым, с тонкими чертами, уголки глаз чуть приподняты к вискам, волнистые каштановые волосы обрамляли высокие скулы, но особенное внимание привлекали накрашенные алой помадой губы – сочные, слегка блестящие.

Почему-то, глядя на эту женщину, столь явно выбивающуюся из интерьера казенного полицейского кабинета, я подумал о десерте – засахаренных фруктах или мягкой карамели.

– Привет! – Димитров выглядел немного удивленным. – Я заходил к тебе дважды. Где ты пропадаешь?

– Занимаюсь расследованием.

– Это моя жена, Светлана, – представил женщину лейтенант. – Валера, коллега. Приехал к нам из Питера искать убийцу.

– Приятно познакомиться. – Жена Димитрова протянула мне руку, и я слегка пожал тонкие прохладные пальцы.

Она встала, взяла с дивана сумочку из крокодиловой кожи.

– Ну, мне пора. Надеюсь, вы быстро отыщете своего маньяка. – Светлана быстро чмокнула мужа и вышла в коридор. Несколько секунд было слышно, как глухо стучат ее каблуки.

– Давай включай адресную базу! – сказал я, когда они стихли.

– А что, есть след? – спросил Димитров, пересаживаясь к компьютеру.

– Кажется, я знаю имя следующей жертвы.

– Да ладно?!

– Мария Суханова, завуч в школе – той же самой, где работал Зинтаров.

– С чего ты взял?

– Потом объясню. Сейчас надо позаботиться о Сухановой.

– Думаешь, ее уже прикончили? – с сомнением проговорил Димитров.

– Вряд ли. Хотя все может быть.

– Серийные убийцы так оперативно не работают. Он не успел бы даже подготовиться.

– Он мог сделать это заранее, – возразил я. – Загрузилась?

– Да. Сейчас введу имя. Суханова, да?

– Да. Мария Кирилловна.

– Та-ак Пожалуйста: есть две Марии Кирилловны Сухановых в разных концах Пушкина. Тебе какую?

Я заглянул в монитор.

– Однозначно не ту, которой четыре года.

– Точно, – обескураженно сказал Димитров. – Вот я слепой!

– Запиши адрес, и поехали. Жду тебя в машине.

– Сейчас?

– А когда?

– Ладно, ты прав.

Я спустился во двор, Димитров появился спустя пару минут с клочком бумаги в руке.

– Поехали на моей, – предложил я.

– Ладно, все равно сюда возвращаться, – подумав мгновение, кивнул лейтенант.

– Куда ехать?

Он протянул мне адрес.

– Минут двадцать, не больше, – сказал он. – Я знаю этот дом. У меня там неподалеку двоюродная сестра живет с мужем.

Димитров оказался прав: мы добрались даже быстрее.

Я подошел к двери подъезда первым и нажал кнопку домофона, вызывая семнадцатую квартиру. Раздались гудки. Мы ждали секунд тридцать, но ответа не было.

– Похоже, нет дома, – заметил Димитров.

– Надо проверить.

– Слушай, сейчас лето. Может, человек на дачу уехал.

– Может. А ты посмотрел, есть у нее дача?

– Каким образом? Она в ней не прописана.

– Да, верно. Ладно, раз уж приехали, все равно поднимемся. – Я нажал номер соседней квартиры.

– Да? – донесся до нас сонный женский голос.

– Полиция, – сказал я отчетливо. – Нам нужна ваша соседка из семнадцатой квартиры.

Пауза. Затем удивленное:

– Машка, что ли?

– Да, Мария Кирилловна. Она не отвечает.

– Странно. Я ее сегодня видела. Она с работы пришла с сумками – по дороге заходила за продуктами.

– Мы бы хотели подняться. Откройте, пожалуйста, дверь подъезда.

Раздался сигнал, и замок щелкнул.

– Спасибо.

Когда мы поднялись на третий этаж, соседка стояла на пороге своей квартиры в цветастом халате и тапочках. От нее пахло щами и выветрившимися духами.

– Я позвонила Машке в дверь, – сообщила она, едва увидела нас на площадке. – Не отвечает. Может, вышла куда.

– Разберемся, – дежурным тоном отозвался Димитров, наклоняясь, чтобы рассмотреть замочную скважину.

– Ну, что? – спросил я спустя секунд десять.

– Заперто, следов взлома нет.

– Ой, что это?! – воскликнула вдруг соседка, указывая на порог.

Мы с Димитровым опустили глаза и увидели воду, вытекающую из-под входной двери.

– Заливает же! – заверещала соседка, словно это могло что-то изменить. – Скорее, стучите! – Она сделала движение вперед, явно намереваясь обрушить на дверь Сухановой град ударов, но Димитров остановил ее.

– Спокойно, гражданка! – сказал он строго. – Вернитесь к себе.

– Какое к себе! – всплеснула руками соседка. – Побегу вниз, предупрежу Воробьевых!

– Странно, что они еще не в курсе, – пробормотал Димитров, когда она умчалась, прыгая через две ступеньки. – Что делать будем?

– Вскрывать, – решил я.

– Уверен?

– Абсолютно.

Вздыхнув, Димитров вытащил из кармана набор отмычек.

– Ладно. Дай мне пару минут. Черт! – Он выругался, глядя на то, как вода окружает его ботинки от «Catepillar».

Справился он быстрее, чем соседка, чьи вопли доносились со второго этажа и которая вернулась несолоно хлебавши: Воробьевы, судя по всему, куда-то укатили и не знали, что их квартиру постигла катастрофа.

– Стойте здесь! – сказал я ей, доставая пистолет.

При виде оружия она открыла рот и только молча закивала головой. Димитров тоже вытащил пушку. Мы вошли в квартиру.

Было темно: как выяснилось спустя минуту, кто-то задвинул шторы во всех комнатах.

В ванной шумела вода. Звук был равномерный, ничем не прерываемый – совсем не такой, какой бывает, когда моются.

Мы осмотрели все в квартире, прежде чем отправиться туда: не хотелось бы, чтобы кто-то выскользнул на лестницу, пока мы будем в ванной.

Дверь была приоткрыта, и через порог бурным потоком лилась вода.

Димитров зажег свет, нажав на выключатель стволом «Макарова», и мы заглянули внутрь.

Мертвая женщина, лежавшая в ванне, была одета в нелепый костюм вроде театрального – что-то из шестнадцатого или семнадцатого века.

– Дежавю! – выдохнул Димитров.

Я сразу понял, что он имеет в виду.

У женщины не было лица. Красное, багровое, белесое, жутко оскаленное, дико выпучившееся – все это было. А лица не было. Кто-то срезал его и унес с собой.

Я смотрел на месиво, чуть выступающее над водой, и чувствовал, что меня начинает мутить. Только теперь я заметил, что вода была слегка розовой – она вымывала кровь из жуткой раны. Впрочем, сердце женщины уже остановилось, так что труп почти не кровоточил.

Рядом со мной громко выругался Димитров.

– Вызывай опергруппу! – проговорил я, опуская пистолет. – Мы опоздали.

* * *

У моего дяди со стороны матери была ферма. То есть фермой ее назвали бы сейчас, а тогда это был просто «участок», на котором стоял не обшитый досками двухэтажный дом из потемневших бревен, сарай, хлев, курятник и загон для коз.

Хозяйство, одним словом.

Дядя предпочитал пищу, которая выросла в его владениях. Яйца, курятина, свинина, из которой он делал шпик, колбаски, беконы, окорока и так далее. У него была толстая поваренная книга, которую он собирал много лет, вырезая, перепечатывая, переписывая и вклеивая рецепт за рецептом. Мясо он готовил всегда сам, доверяя жене остальные блюда.

Особое место в его хозяйстве занимали козы. Они давали молоко, шерсть, мясо и шкуры. Их мясо он коптил и тушил, а также добавлял в свиную колбасу. Шерсть продавал. Животных стригла его жена, и получалось это у нее очень ловко и быстро.

Шкуры же сдавал в мастерскую, где их выделявали, превращая в предмет интерьера. Такую штуку можно было положить перед камином или расстелить на диване. Они пользовались большим спросом, и дядя часто забивал козу, чтобы ободрать. Он говорил, что подвешивает ее в специально отведенной части сарая, раздевается догола, чтобы не запачкать кровью одежду, и приступает к делу, надрезая шкуру и постепенно стягивая ее вниз.

Однажды я подглядел за ним. Пришлось поставить на попа ящик из-под пива, валявшийся за сараем, и влезть на него, чтобы дотянуться до маленького окошка в задней стене.

Все оказалось так, как и говорил дядя. Он не соврал. До сих пор у меня перед глазами иногда возникает его обнаженный торс, освещенный солнцем, блестящий от пота и крови, сосредоточенное лицо и кривое лезвие ножа-шкуродера, мелькающее вверх и вниз, вправо и влево!

Я был заморожен этим зрелищем и даже не заметил, что меня отыскал отец. Когда он окликнул меня, я едва не свалился с ящика от испуга.

Все это отложилось в моей памяти очень четко и ясно, словно произошло только вчера.

Много позже я узнал, что Альберт Фиш, евский детей, тоже раздевался, прежде чем убить свою жертву, чтобы не испачкать одежду. Почему-то этот факт – вернее, его связь с моими детскими воспоминаниями – поразил меня.

* * *

Лес был темным и молчаливым. Глухим, как написали бы в старой сказке. Например, в одной из тех, что мне читали в детстве. Это были хорошие немецкие истории, придуманные германским народом и записанные для будущих поколений братьями Гримм. Я обожал их. И тот лес, в котором я недавно оказался, хотя и не мог похвастаться узловатыми вязами и вереском высотой в человеческий рост, все же был вполне подходящим фоном для событий, которым предстояло в нем произойти.

Итак, он был глухим, мрачным и страшным. А еще – опасным, и это известно каждому жителю Пушкина, а значит, никому не придет в голову бродить по нему среди ночи. Это делало лес вдвойне удобным.

Вообще каждая вещь опасна и безопасна одновременно – тут все зависит от точки зрения. Если пистолет у тебя и ты не целишься себе в рот, то он скорее безопасен, а если его направляют на тебя с явным намерением спустить курок, то наоборот.

Также и лес. Для жертвы он опасен, потому что там обитают хищники, для хищника же – нет. Конечно, лишь пока в лесу не появятся охотники. С другой стороны, может ли охотник чувствовать себя в полной безопасности, когда поблизости бродят хищники? Наверное, да, но только пока его ружье не дает осечек, патронов полно и он в состоянии достаточно быстро перезарядить. И, конечно, хищников не должно быть слишком много, иначе... иначе охотник становится жертвой.

Все относительно. Поэтому на Востоке говорят, что решение нужно принимать в течение десяти вдохов. Сначала ты слишком возбужден, находишься под властью эмоций. Это мешает. Позже – успеваешь остыть, что тоже нехорошо.

Хорошо или плохо, правильно или нет – как определить это в мире, где нет ничего четкого и однозначного?

Десять вдохов.

Бывает так, что ты не можешь противостоять необходимости совершить что-то. У каждого живого существа имеется инстинкт самосохранения. И я хочу жить так же, как подавляющее большинство людей. И меня гложет страх смерти и небытия.

Что же мне остается, как не принять необходимые меры, чтобы избежать гибели? И если путь, который я выбрал для этого, покажется кому-то неправильным, то пусть этот кто-то задастся вопросом: а на что Я способен ради того, чтоб остаться в живых? И дай ему Бог сил ответить честно!

Лес был моей территорией. Я дышал вместе с ним, я двигался вместе с ним, я упивался пролившейся в землю кровью наравне... нет, куда сильнее, чем он! Потому что для меня она означала куда большее.

Удивительно, как легко режется человеческая плоть, если нож действительно хорошо отточен. По всем правилам. Даже не надо прикладывать особенных усилий – просто водишь лезвием, как кисточкой с тушью по рисовой бумаге, и видишь, как у тебя на глазах рождается нечто новое, сырое, остро пахнущее! Уже не окончательная форма, а всего лишь материал. Кирпичик для постройки чего-то нового.

* * *

Мы с Димитровым сидели у него в кабинете и пили кофе из пакетиков. Полчаса назад мы наконец закончили работу в квартире Сухановой и прибыли в отдел. Опергруппа сняла отпечатки, криминалисты забрали труп на вскрытие. Теперь оставалось только ждать результатов.

Я сидел, положив на колено планшет с листком бумаги, и широкими штрихами рисовал Анин портрет. Пока что выходил только набросок, потому что у меня осталось от девушки лишь общее впечатление, черты же лица я запомнил плохо. Их я рассчитывал уточнить позднее – при следующей встрече.

– Он словно с цепи сорвался, – проговорил Димитров, делая глоток из большой кружки с веселой картинкой.

– Кто? – спросил я, не поднимая глаз от рисунка.

– Тот, кого мы ищем, конечно же. Обычно серийные убийцы делают перерывы между преступлениями. Им требуется сделать эмоциональный выброс, и для этого они ищут жертву, но в периоды между ними они ведут себя как обычные люди.

Я кивнул: Димитров был прав. Серийный убийца, как правило, не способен постепенно стравливать агрессию из-за нефункционирующих психических защитных механизмов. Он избавляется от этого балласта разово, во время совершения убийства. Затем наступает период затишья, эмоционального спокойствия.

Тот же, кто убивал в Пушкине, похоже, задался целью истребить тех, кого наметил, в рекордные сроки. Либо его агрессия требовала выброса каждые сутки (но тогда странно, что он умел обходиться без этого прежде), либо он руководствовался какой-то другой целью.

– Ситуация нетипичная, – сказал я, откладывая набросок: на данный момент я нарисовал все, что мог.

Димитров шумно вздохнул и открыл ящик стола. Вытащил оттуда целлофановую папку и бросил мне. Я поймал ее, но пара фотографий выпала на пол.

– Извини, – сказал Димитров. – Это результаты обыска квартиры Зинтарова. Полюбуйся. Хотел тебе раньше показать, но тут навалилось столько дел... – Он потер переносицу и откинулся на спинку кресла.

Я смотрел на фотографии, чувствуя, как в животе поднимается волна отвращения к убитому.

– Там такого добра было три коробки, – бросил лейтенант, прикрывая глаза. – И еще видео. А когда мы залезли в его интернет-браузер...

– Он сам делал снимки? – спросил я, убирая карточки в папку.

– Нет. Может быть, некоторые. Это нужно проверить. Бо?льшая часть куплена им на черном рынке. Это видно по фону.

– Каким образом?

– Слишком много снимков с разными детьми в одной и той же обстановке. Где-то это дело поставлено на поток. Но делал фотографии не Зинтаров. Соседи показали, что к нему никогда не приходили дети, а кроме квартиры, у него не было помещений.

– Ни дачи, ни съемной комнаты?

Димитров покачал головой:

– Во всяком случае, мы пока ничего не обнаружили. Но эти материалы передадут в специальный отдел, и там займутся личной жизнью Зинтарова более тщательно. Возможно, удастся выйти на поставщиков детской порнографии. Я не думаю, что Зинтаров приставал к детям. В частности, к своим ученикам. Иначе на него наверняка поступили бы жалобы.

Я кивнул.

Если педофил теряет бдительность, утрачивает осторожность, его дни сочтены: такое шило в мешке утаить довольно сложно.

– Скорее всего. Ты думаешь, смерть Зинтарова связана с его тайной жизнью?

– Даже не знаю. У Сухановой-то мы в квартире ничего такого не нашли. Если бы был убит только Зинтаров...

– Да, ты прав. Должна быть связь между жертвами. Они разного пола и возраста, зато работали в одной школе. Зинтаров был извращенцем, Суханова вроде нет. Не будем подгонять факты в удобные нам рамки. Не думаю, чтобы страсть Зинтарова стала причиной его гибели. Судя по всему, он тщательно ее скрывал и едва ли отваживался на сексуальный контакт с детьми.

– Но такое вполне могло быть. А в таком случае рассерженные родители или подросшая жертва...

– Убийца наметил четыре жертвы. Думаешь, Зинтаров задействовал бы в своем преступлении столько народа?

Димитров пожал плечами.

– Кажется маловероятным, – признал он, подумав.

– Вот и я о том же. Но знаешь, что меня смущает?

– Ну?

– Жестокость, с которой преступник расправляется с жертвами.

– Садизм обычно является способом выброса агрессии, – заметил Димитров недоуменно. – Что тут странного? Когда мы изучали в академии основы криминальной психологии...

– Извини, – прервал его я, – но убийца может наносить жертве увечья и после смерти. Например, выпотрошить или расчленить. В данном же случае очевидно, что преступник стремится заставить жертву страдать, испытывать боль. Причем, если не считать нумерование раскаленным тавро, все внимание он уделяет лицу.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, – проговорил Димитров. – Убийца мстит миру за испытанную им самим боль. Вероятно, в детстве он получил травму лица, и это нанесло ему психическую...

– Необязательно. Возможно, убийца не смог самоидентифицироваться.

– В смысле, что он не определился, кто он?

– Да. Его представление о себе как о личности по какой-то причине размыто.

– И он забирает лица либо в отместку, либо в качестве... замены? Делает из них маски?

– Это объяснило бы, почему жертвами стали и мужчина и женщина.

– Думаешь, убийца и с полом не определился?

– Может, он примеряет разные личины.

– А почему он так активизировался? Что за спешка? Такое впечатление, что он заранее спланировал все четыре убийства и теперь четко следует плану. Серийные убийцы так себя не ведут.

– Я знаю. Возможно, здесь что-то другое.

– Что, например?

– Пока что без понятия.

Димитров хмыкнул.

– Ладно, – сказал он, меняя тему, – давай быстренько напечатаем отчет, а потом спать.

– Согласен. Кто будет набирать?

– Я могу.

– Ок, – не стал я спорить. – Итак, с чего начнем?

Димитров пожал плечами:

– Думаю, с самого начала.

* * *

До своей комнаты в отделе я добрался еле живой от усталости. Принял душ и, не ужиная, завалился в постель.

Перед глазами стояла картина, увиденная в квартире Сухановой.

Приехавший по вызову Полтавин бегло осмотрел тело и заявил, что картина примерно та же: клеймо на груди, содранное лицо, предварительно нарезанное на куски, неравномерные проколы мимических мышц. Разница была лишь в том, что цифра на коже была тройкой, проколов было меньше, и располагались они иначе, а смерть наступила от потери крови. Заодно он подтвердил собственную версию, что Зинтаров скончался от сердечного приступа: Полтавин мог это сказать точно только после вскрытия, и вот он его закончил буквально за полтора часа до того, как ему позвонил Димитров.

Судмедэксперт прихватил с собой распечатку своего отчета.

Я проштудировал его, пока криминалисты снимали отпечатки пальцев, обуви и так далее. Правда, некоторые вышли совсем плохо из-за воды на полу, которая смыла все, что было на паркете, коврах, кафеле и линолеуме.

В отчете меня заинтересовали только три момента: во-первых, в проколах на лицевых мышцах были обнаружены волокна древесины и следы пропитки вроде морилки; во-вторых, несмотря на кажущуюся хаотичность, некоторые проколы располагались на определенном расстоянии друг от друга. Конкретнее – попарно. В-третьих, лица были не содраны, как все решили поначалу. Они были срезаны, причем не целиком, а кусочками.

Лежа в своей постели (временно своей) и пытаясь заснуть, я думал о том, что могло заставить человека приложить столько усилий для того, чтобы причинить боль, изуродовать и убить другого. Потому что, хотя Зинтаров и умер от сердечного приступа, едва ли преступник рассчитывал на то, что учитель останется жив после того, как он срежет ему лицо.

По долгу службы мне приходилось видеть всякие зверства. И девушек, перемолотых промышленным утилизатором в кровавый фарш, и обгоревшие трупы, и людей без кожи, и тела, множество раз пробитые насквозь. За все эти годы я так и не привык к подобным зрелищам и к тому, что один человек способен сотворить такое с другим.

Постепенно я начал задремывать.

Лицо... нарезанное на куски, некоторые из которых проткнули... Пирог бабушки Димитрова... В полусне эти фразы и образы витали в моей голове, не давая отключиться.

Вдруг я открыл глаза и резко сел на постели. Неожиданно для самого себя я понял, что делал убийца с лицом Зинтарова!

Глава 2. В трех соснах

Четверг, 3 июня

Было восемь утра, когда я вошел в кабинет Димитрова. Лейтенант дремал в кресле перед компьютером, в колонках тихо звучала песня Стинга – «Shape of my heart».

– Подъем! – Я хлопнул Димитрова по плечу.

Он подскочил, едва не брякнувшись на пол.

– Что такое?! – ошалело промямлил он, озираясь и, судя по всему, пытаясь сообразить, где находится.

– Ночью меня осенило! – Я уселся на продавленный диванчик.

– Поздравляю.

– А ты чего так рано пришел? – спросил я. – Честно говоря, не рассчитывал тебя тут застать. Думал, посижу, подожду где-нибудь.

– Дежурю, – мрачно объяснил Димитров. – Только что закемарил.

– Ну, извини, – сказал я, ничуть не раскаиваясь.

Когда я брал след, все человеческие естественные потребности уходили на второй план. Оставалась только охота: я и хищник, жестокий и безумный, заслуживающий возмездия.

– Так что стряслось-то? – спросил, зевая, Димитров. – Из-за чего такой ажиотаж?

– Мне вчера никак не давал покоя отчет Полтавина. Там были три пункта, которые так и просились сложиться в мозаику. Ну, или что-то в этом роде.

Димитров поморщился:

– Валер, а можно попроще?

Я кивнул:

– Легко. Во-первых, лица были нарезаны на куски, во-вторых, имелись проколы мышц, в-третьих, отверстия располагались попарно. Вывод, который пришел мне в голову: убийца ел лица своих жертв! Он нарезал их на куски и брал вилок! Вот откуда проколы, понимаешь?

Димитров выглядел потрясенным.

– М-да! – проговорил он наконец. – Ну, ты и загнул.

– Я серьезно.

– Вижу. Ну хорошо, допустим, ты прав. – Лейтенант пошарил в ящике стола и вытащил помятую копию отчета судмедэксперта. – Та-ак, я себе тут кое-что подчеркнул. Ага! Смотри, в проколах обнаружены волокна древесины. Это ты как объяснишь?

Я улыбнулся:

– Когда мне вчера пришла в голову мысль насчет того, что убийца – каннибал, я открыл ноутбук и вошел в Интернет. Знаешь, он очень помогает.

– Знаю, не в лесу рос. Дальше что?

– Я нашел статью о каннибалах, потом другую, третью. Короче, сидел до трех ночи и нашел много интересного. Во-первых, теперь я думаю, что убийца не надевал маску в форме черепа. Он нанес на лицо грим.

– С чего ты взял?

– Потому что африканские каннибалы раскрашивали себе лица, имитируя череп с оскалом. Белая и черная краски.

– Как мексиканцы на День мертвых?

– Примерно.

– Ладно, это возможно, – согласился Димитров, хотя было заметно, что он относится к моим рассуждениям скептически. – А что во-вторых?

– Вожди племен островов Фиджи поедали человечину, используя особый столовый прибор. – Я достал блокнот. – Так сразу и не выговоришь. Называется «икуланибокола». Это деревянная вилка с двумя, тремя или четырьмя зубцами.

– Надо же, какие фанаберии!

– Дело в том, что боги запретили им прикасаться к простолюдинам руками, а так, вилкой, – пожалуйста.

– Думаешь, убийца пользовался этой илука... ику...?

– Икуланибоколой, – подсказал я. – Уверен, что да.

– Где он ее взял?

– Это популярный сувенир на Фиджи. Думаю, и в России можно найти в какой-нибудь лавке. А вообще, ее нетрудно сделать самому, было бы желание.

Димитров помолчал, обдумывая мою версию.

– Ну, похоже, все сходится, – проговорил он наконец. – Только как-то это... жутковато!

Конечно, ему должно было так казаться. Он ведь не работал в «Серийном отделе».

– Что поделаешь, – сказал я. – Бывает и похлеще.

– А я вот пытался понять, на кого намекает убийца. В смысле, кто будет его следующей жертвой. Кстати, ты был прав: это серия. Что хочешь в качестве выигрыша?

– Пока не знаю. Потом придумаю.

– Ладно. Может, вообще об этом забудешь, – усмехнулся лейтенант.

– Это вряд ли. И как расшифровка? Получилась?

– Не особенно, по правде говоря.

– Ну, какие-нибудь предположения есть?

Димитров пожал плечами:

– Я так понял, что основным элементом является костюм, в который была одета Суханова. Но он то ли средневековый, то ли эпохи Возрождения. В любом случае ума не приложу, как это может помочь.

– Больше в ванной ничего не было?

Димитров покачал головой:

– Мы все обыскали. Только костюм. Никаких надписей, символов, знаков, нот, иероглифов и тому подобного.

– Странно. Что-то должно быть.

– Если хочешь, посмотри сам.

– Ключи от квартиры у тебя?

– На, держи. – Димитров протянул мне связку.

– Откуда они?

– Из квартиры Сухановой, откуда же еще?

Я повертел ключи в руках. Они выглядели совсем новыми.

– Где конкретно они лежали?

– В хрустальной вазе. В серванте. А что?

– Это был единственный комплект в квартире?

– Да, других ключей мы не нашли.

Я подбросил связку на ладони.

– Это запасные.

– Конечно. – Лейтенант кивнул. – Теми, которые Суханова носила в сумочке, убийца запер дверь квартиры. Он унес их с собой и, скорее всего, выкинул где-нибудь.

– Взлома точно не было?

– Я взламывал замок, забыл? Но я уверен, что был первым. Иначе остались бы царапины, да и замок не открылся бы так легко. Не говоря уж о том, что его едва ли смогли бы закрыть.

Я покачал головой, обдумывая слова лейтенанта. Указание на имя следующей жертвы должно было быть, полицейские просто не заметили его – в этом я не сомневался.

– Поеду на квартиру, – сказал я. – Погляжу, что там и как.

– Зря потратишь время.

– Посмотрим.

Я вышел из отдела, сел в машину и поехал на квартиру Сухановой. По дороге остановился возле бистро позавтракать. Наскоро перекусив гамбургером, картошкой фри и колой, я сунул в рот таблетку гастала и двинулся дальше – в последнее время у меня разыгрался гастрит, так что приходилось пить лекарство.

Через двадцать минут я был на месте.

Квартира была опечатана, и мне пришлось сорвать несколько лент, чтобы попасть внутрь. Занавески раздвинул кто-то из экспертов, и теперь квартира выглядела по-другому. Не такой мрачной и похожей на лабиринт, в закоулках которого может притаиться в ожидании очередной жертвы чудовище.

Повсюду царил порядок. Убийца не тронул ничего, не перевернул ни единой вещи. Он был очень аккуратен.

Даже трудно представить, что не так давно здесь обнаружили изуродованный труп, выраженный в театральный костюм.

Я прошел в ванную комнату.

Воду спустили, пол был сухим, только ковры еще оставались влажными и испускали затхлый запах.

Я присел на край ванны. В памяти сразу же, помимо моей воли, всплыла картина: труп с кровавой раной вместо лица, на который монотонно течет струя воды.

Было в этом что-то... кощунственное! Словно убийца выражал жертве свое презрение, хотел поглумиться над ней.

Я попытался представить, как он действовал. В отчете судмедэксперта было сказано, что обеих жертв предварительно усыпили уколom бензодиазефина. Затем их связали клейкой лентой, после чего убийца стал ждать, когда они очнутся. В это время он, должно быть, раскалял клеймо с цифрой.

Я огляделся.

Где преступник мог это сделать? В квартире не было никаких следов того, что кто-то разводил огонь. Разве что на конфорке.

Я встал и пошел на кухню. Плита была газовой, одна конфорка побольше, три поменьше, но тоже все разного размера.

Я внимательно осмотрел столешницу и наконец нашел черный след с правой стороны от плиты – словно к дереву прислонили горячий металл. Возможно, его оставило клеймо. Придвинув табуретку, я уселся и задумался: откуда убийца взял клейма с цифрами? Их нужно было либо изготовить самому, либо заказать. Но едва ли он отважился бы поручить это кому-то чужому, так что, скорее всего, делал все собственноручно. Для этого требуется оборудование. Формы, печь и так далее. По идее, лучше всего для этих целей подошла бы кузница.

Я набрал номер Димитрова:

– Слушай, в Пушкине есть кузницы?

– Наверное. А что? – Голос у лейтенанта был удивленный.

– Я тут подумал про клейма, которыми убийца ставит цифры.

– Понял. Постараюсь выяснить. Ты уже в квартире Сухановой?

– Да.

– Как продвигается? Нашел что-нибудь?

- Пока нет. Скажи, а на том месте, где убили Зинтарова, были следы костра?
- Нет.
- А вы проверяли?
- Конечно. Должен же был убийца где-то раскалить клеймо.
- Вот и я о том же.
- Но поставил он его там, в парке.
- Откуда ты знаешь?
- Мое предположение. Вряд ли он все делал в разных местах.
- Не факт.
- Мне кажется, он использовал газовый обогреватель.
- Что-что? - не понял я.
- Газовый обогреватель. Ну, знаешь, такая труба со спиралью накаливания с одной стороны и отверстием для шланга с другой. Подсоединяешь к нему газовый баллон, спираль накаляется, газ проходит через нее и вырывается уже в виде горячего воздуха. Такой штукой можно два этажа обогреть в загородном доме, не то что клеймо раскалить.
- Давно ты пришел к этой мысли?
- Вчера еще. А что?
- Почему не сказал?
- Да как-то речь не заходила.

Я вздохнул. Все-таки работать с проверенными людьми куда удобнее, чем с новыми, даже толковыми.

– В следующий раз сам ее заводи, ладно?

Димитров усмехнулся:

– Хорошо, учту.

Попрощавшись, я вернулся в ванную комнату.

Вчера, перед тем как уехать, я рассмотрел костюм, в который была одета Суханова. Он был мокрый и пропитался кровью, но можно было понять, что он, во-первых, мужской, а во-вторых, театральный. И убийца либо взял его напрокат, либо украл. Где именно, предстояло выяснить, и Димитров еще вчера поручил это кому-то из местных оперов. Нужно было объехать местные театральные студии, молодежные центры и костюмерные. Если бы оказалось, что там убийца не появлялся, возникла бы более серьезная задача: проверить такие же места в Питере, а на это могло уйти бог знает сколько времени.

Я обвел глазами кафельные стены – чисто. Никаких надписей ни на потолке, ни на полу, ни на двери. Мы проверили почту Сухановой по ее компьютеру, но и там не было посланий от убийцы. Я собирался после осмотра квартиры поехать в школу и узнать, не приходило ли на электронный ящик еще какое-нибудь письмо. Хотелось бы, конечно, повидать Аню, но я помнил, что сегодня смена ее коллеги, Андрея.

Мой взгляд остановился на стенном шкафчике с зеркалом на дверце. Я открыл его и принялся перебирать содержимое. Ощущение было такое, словно я копаюсь в чужом нижнем белье.

Шампунь, бальзам для волос, скраб и маска для лица, несколько гелей и масел для тела, зубная паста двух видов, ночной и дневной крем, средства для депиляции, включая воск. Батарея лаков, пенок, муссов и спреев для волос, дезодорантов и антиперсперантов. Все это было аккуратно расставлено на верхней полке. На нижней же располагались наборы теней, помада, туши, пудры, кисточки для нанесения макияжа, ватные палочки в прозрачной коробке,

диски, лаки для ногтей и набор маникюрных принадлежностей в футляре из коричневого кожаменителя. Здесь же стояли флаконы с духами и туалетная вода.

Один пузырек заинтересовал меня больше других. Это был парфюм под названием «Juliette Has A Gun» от Романо Риччи.

Я уже видел такой раньше: одна из моих бывших «коллекционировала» духи. Практически с каждой зарплаты покупала по флакончику предварительно долго и тщательно выбирая очередной «экспонат». Были у нее и совсем крошечные пузырьки с дорогими ароматами, которые можно приобретать на вес, – в основном арабского производства. Она называла их «отливантами».

Мне пришлось в то время выслушать немало лекций по поводу сравнительных достоинств всевозможных парфюмов. Так что алый флакон от Романо Риччи не случайно привлек мое внимание: он предназначался молодым девушкам и совершенно не вписывался в туалет пожилой женщины.

Я взял его в руки и принялся рассматривать. Открыл и понюхал крышку. Запах был очень слабый. Я перевернул крышку и заглянул внутрь: пластмассовые зажимы оказались только слегка потертыми. Судя по всему, флакон открывали буквально пару раз. Я постоял, держа его в руке, – холодный и увесистый, совершенно полный.

Джульетта...

«Ромео и Джульетта» – первое, что приходит в голову. Я был почти уверен, что флакон оставил убийца. А значит, это часть послания. И он намекает на героиню знаменитой трагедии. По-русски Джульетта – это Юлия. Но может быть, имеется в виду Ромео? Роман. Костюм-то на Сухановой был мужской, так что это вполне возможно.

Похоже, убийца был равнодушен к искусству. Теперь следовало проверить, есть ли в школе учителя, которых зовут Юлия или Роман. Хорошо, если окажется только кто-то один – это значительно упростит дело. И еще важно не опоздать.

Этот страх преследовал меня постоянно во время расследований. Серийный убийца всегда опережает полицейского, потому что тот не знает ни его мотивов,

ни критериев выбора жертвы. Даже сейчас, делая подсказки, преступник оставлял себе фору.

Прихватив флакон «Juliette Has A Gun», я запер квартиру и поехал в школу.

Пушкин выглядел как обычный маленький город, с дорогим жильем, красивыми парками и скверами, элитными районами и старыми домами, доживающими свой век. Для кого-то он был источником детских воспоминаний, для кого-то – ловушкой, из которой уже не вырваться, для кого-то – просто местом работы. А для кого-то – охотничьими угодьями. Собственно, не только для убийцы, но и для меня. Только он подстерегал «коз», а я – «тигра».

Директор школы был на месте. Короб удивленно поднял глаза, когда я возник на его пороге, и отложил стопку бумаг, которые изучал.

– Доброе утро, – кивнул я, входя. – Слышали о Марии Кирилловне?

– Да, ваш коллега позвонил мне вчера вечером, около одиннадцати. Предупредил, что она не придет. Что случилось?

– Он не вдавался в подробности?

– Нет, но я так понял, что с Марией Кирилловной случилось несчастье.

– Иначе и не назовешь. – Я сел напротив стола. – Ее убили в собственной квартире.

– Господи! – выдохнул Короб, бледнея. – Как?

– Подробности опущу, скажу только, что это, похоже, тот же человек, который расправился с Зинтаровым.

– Да что же это такое творится?!

– Ничего хорошего. Я к вам, собственно, по важному делу.

– Какому? – Директор насторожился.

– У вас работают учителя по имени Юлия или Роман?

– Дайте подумать. Та-ак... у нас есть Роман Ефимович Гурин, это охранник, и Юлия Николаевна Жаркова, завхоз. Вроде все. Хотя нет, постойте! Еще учительница географии, Юлия Олеговна Романова.

– Блеск! – не выдержал я.

– Что, простите? – нахмурился Короб. – Не понял.

– Где сейчас эти трое?

– Не знаю. Наверное, в школе.

– Подскажите, как их найти?

– Роман Ефимович дежурит внизу, вы должны были мимо него пройти, Юлия Николаевна, вероятно, у себя, на первом этаже, рядом с канцелярией, а Юлия Олеговна на четвертом этаже, кабинет номер сорок три. Зачем они вам?

– Пока ничего не могу сказать. – Я поднялся.

– Вы же не думаете, что кто-то из них убийца? – Короб неуверенно улыбнулся.

– Нет, не думаю.

– Хорошо. Прямо гора с плеч.

– Может, я к вам еще зайду, – сказал я и отправился первым делом к завхозу, потому что охранника я действительно застал внизу в полном здравии, и едва ли ему грозила опасность здесь, в школе. Во всяком случае, не в то время, пока я здесь.

Завхоз сидела в маленькой комнатухе в окружении шкафов и коробок с хозяйственными средствами. Пахло пылью и старым картоном. У нее были короткие черные волосы и длинные наращенные ногти ярко-розового цвета. Она что-то печатала на компьютере и даже не слышала, как я вошел.

– Здравствуйте, – проговорил я, доставая удостоверение.

Женщина подскочила от неожиданности.

– Здравсьте! – проговорила она, увидев меня.

– Мне нужна Юлия Николаевна.

– Это я. Что вы хотите?

Я показал удостоверение:

– Старший лейтенант Самсонов. Расследую убийства Зинтарова и Сухановой.

– Ее тоже убили? – ошарашенно спросила завхоз.

– Увы, да. Вчера вечером.

– Господи, ужас какой! – Женщина схватилась за сердце. – Кто же это делает-то, а?!

– Вот это мы и выясняем. Скажите, как вы смотрите на то, чтобы к вам приставили... наблюдателя?

– Зачем? – Брови у завхоза взметнулись вверх.

– Кто-то открыл охоту на работников вашей школы. У нас есть основания предполагать, что следующей жертвой может быть человек, которого зовут Роман или Юлия.

Женщина побледнела.

– Не пугайтесь, – сказал я поспешно. – Может быть, мы и ошибаемся, но лучше ведь перестраховаться, правда?

– Конечно, – растерянно промямлила завхоз. – Но... почему я? Я же никому... – Она замолчала, медленно мотая головой. – За что меня-то?

– А Зинтарова и Суханову было за что?

– Что? Нет, я не это имела в виду. Просто... ну, я не знаю, кому они насолили. А я же ни с кем не ссорилась. Боже, что я говорю?! При чем тут ссоры! Разве из-за этого убивают?

– Довольно часто. Правда, обычно сразу. Это называется бытовуха.

– Вы правда думаете, что я могу быть... следующей?! – В глазах женщины был настоящий ужас.

Еще немного, и она впадет в панику. Надо было ее успокоить.

– Так мы приставим к вам наблюдателя? Он сумеет вас защитить, если будет необходимость.

– Когда?! – с надеждой воскликнула завхоз, порывисто вставая. – Он здесь, с вами? Я ведь боюсь теперь одна идти домой!

– Я пришлю кого-нибудь.

– Обещаете?

– Конечно. Не выходите из школы, пока он не приедет.

– Хорошо. Ни за что не выйду!

Я был уверен, что она так и поступит.

Попрощавшись с завхозом, я поднялся на четвертый этаж, надеясь застать учительницу географии.

Она пила чай, сидя за своим столом. Полная женщина в черной блузке с люверсом и длинной плисовой юбке.

– Здравствуйте, – проговорил я, входя. – Старший лейтенант Самсонов, полиция.

– Добрый день, – удивленно ответила женщина.

Ей было лет шестьдесят, и она слегка растягивала слова, что придавало ей жеманный вид.

– Вы знаете, что совершено два убийства и обе жертвы работали в вашей школе? – начал я напрямик.

– Два? – нахмурилась Юлия Олеговна. – Почему два?

– Вчера было обнаружено еще одно тело. Сухановой Марии Кирилловны.

Учительница географии ахнула. Рот у нее был густо обведен алой помадой и походил на окровавленную рану. Немного помады попало на передние зубы. Почему-то я подумал, что это выглядит отвратительно.

– Да вы что?! Правда?

– Ее нашли в своей квартире.

– Ужас!

– Мне бы хотелось с вами поговорить об этих убийствах.

– Со мной? – Учительница выглядела удивленной. – Но я ничего о них не знаю.

– Видите ли, дело в том, что у нас есть основания считать, что следующей жертвой тоже может стать сотрудник вашей школы. – Я сделал паузу, чтобы

дать ей обдумать услышанное.

– Да? – проговорила она настороженно. – А при чем тут я?

– По всей видимости, жертвой будет человек с именем Юлия или Роман. У вас в школе таких трое.

Повисла пауза.

– О боже! – проговорила учительница, осев в кресле. – Вы серьезно?

– К сожалению, да.

– Но... я не представляю, кто может держать на меня зло. Во всяком случае, так, чтобы захотеть убить. – Она в недоумении покачала головой. – Немыслимо!

– Я уже поговорил с вашим завхозом, ее тоже зовут Юля.

– И что?

– Она разрешила нам приставить к себе человека. Полицейского, который проследит, чтобы с ней ничего не случилось.

– А мне? Мне тоже нужна охрана!

– Вот это я и хотел обсудить. Вы не против?

Учительница всплеснула пухлыми руками:

– Против?! Да я только «за»! Думаете, я хочу, чтобы меня убили?!

– Тогда все в порядке. Я пришлю человека.

– Когда? – Женщина испугалась, словно я бросал ее на необитаемом острове.

– Скоро. Дождитесь его здесь.

Она закивала:

– Да-да, конечно. Он придет сюда, в кабинет?

– Да, не волнуйтесь.

– Да как же тут не волноваться?!

– Мне еще надо переговорить с вашим охранником.

– С Романом Ефимовичем?

– Да.

– Хорошо. Так я буду ждать здесь.

– Ждите.

– Пусть скорее приезжает.

– Я скажу ему, чтобы поторопился.

Вырвавшись от учительницы географии, я спустился на первый этаж и подошел к стойке охраны. Романа Ефимовича не было.

Я сел на скамейку и стал ждать, решив, что он отошел на пару минут в туалет или еще по каким-нибудь делам. Чтобы не тратить время, позвонил Димитрову, сказал, что пообещал потенциальным жертвам охрану. Он обещал прислать трех оперов в течение получаса. Звучало это слишком оптимистично, потому что я понимал: раньше чем через час они не придут.

Вскоре появился охранник. Ему было за пятьдесят некогда черные волосы почти все побелели, борода была коротко подстрижена, на мясистом носу сидели очки в черепаховой оправе. С правой стороны подбородка виднелся малозаметный

шрам длиной сантиметра в три-четыре, не прикрытый щетиной.

– Что случилось? – поинтересовался он, увидев меня.

– Роман Ефимович, дело касается смерти двух учителей, которые работали в этой школе.

Охранник насторожился:

– А при чем тут я?

Мне пришлось повторить историю, которую я уже поведал до него Жарковой и Романовой.

Гурин отреагировал спокойно.

– По-моему, это бред, – сказал он. – С какой стати убивать меня? Я тут вообще всего полгода работаю.

– Думаете, это имеет значение?

– А вы думаете, преступник, кто бы он ни был, выбирает жертву только по имени или фамилии?

Я был вынужден признать, что это маловероятно. Однако взять Гурина под наблюдение все равно следовало.

– Думаю, вы не захотите рисковать, – сказал я. – Надо приставить к вам человека. Он понаблюдает за вами некоторое время.

– Сколько?

– Не знаю. Может, пару дней.

Охранник почесал крупный нос.

– Надеюсь, мне не придется его кормить? – спросил он брюзгливо.

– Ни в коем случае. Вам даже необязательно с ним общаться.

Охранник кивнул.

– Тогда ладно. Пусть ходит за мной, если вам так хочется. Но, по-моему, вы зря потеряете время. – Он вдруг закашлял, уткнувшись в кулак. – Кстати, раз уж вы, полицейские, все равно будете здесь ошиваться, может, найдете Фредди?

– Кого?

– Нашего песика. Болтается вечно возле школы, никак не прогнать его. Подкармливают тетki из столовки, вот он и повадился.

– И зачем его искать?

– Так пропал же! Уже три дня, как не появлялся. Не иначе похитили злодеи! – Охранник расхохотался.

Я не стал отвечать и отправился на второй этаж к директору.

Короб разговаривал по телефону, когда я вошел. Он поднял на меня глаза и указал на стул.

Я сел. Директор быстренько закончил и уставился на меня:

– Ну, как дела? Всех нашли?

– Да, мы приставим к ним охрану.

Короб кивнул:

– Отлично. Знаете, хорошо, что вы зашли. Я тут подумал, может быть, вам поговорить с нашим школьным психологом? Насчет состояния убитых.

– Они посещали его?

– Ее. Это женщина. Марина Арсеньевна.

– Понятно. Так посещали?

– Нет, насколько мне известно. Но она ведь могла наблюдать их практически каждый день. Словом, я просто предложил, а вы сами решайте, надо вам это или нет.

Почему бы и не воспользоваться возможностью? В конце концов, свидетельство профессионала может оказаться полезным.

– Где мне ее найти? – спросил я.

– На третьем этаже, кабинет тридцать один. Там табличка, так что мимо не пройдете. Она раньше работала психиатром, но потом перешла к нам.

– Серьезно? А почему?

– На пенсию вышла. А ее внучка у нас учится в седьмом классе, так она решила за ней приглядывать.

– Понятно. Значит, Марина Арсеньевна?

– Именно так.

Я поднялся на третий этаж. Большие пустые помещения всегда производили на меня неприятное впечатление. Все эти коридоры, рекреации, ряды кабинетов вызывали смутное беспокойство и заставляли шагать быстрее, словно это могло придать уверенности в себе.

Я едва удержался от того, чтобы начать насвистывать какой-нибудь бодрый мотивчик. Это уже был бы, пожалуй, перебор. В конце концов, хотя нами до самой смерти и владеют детские страхи, я полицейский, а не впечатлительная институтка.

Словно для того, чтобы доказать себе, что все это ерунда и не стоит выеденного яйца, я решил посетить туалет. Не то чтобы очень уж хотелось, но в принципе можно было.

Наверное, в большинстве школ туалеты расположены в рекреациях или конце коридора. Я отправился на поиски. По дороге никто не попадался, и соответственно спросить дорогу было не у кого, но это даже радовало: не придется объяснять, кто я и что тут делаю.

Туалет обнаружился в углу рекреации. Дверь с табличкой, на которой красовался слегка поцарапанный силуэт девочки в платье, была приоткрыта.

Я остановился в нерешительности: конечно, внутри никого быть не может, но ведь существуют же правила приличия. Логика подсказывала, что мужской туалет должен находиться в противоположном крыле. Идти туда через весь этаж мне не хотелось, и это решило дело.

Я вошел, притворив за собой тихо скрипнувшую дверь, и прислушался. Мертвая тишина. Такая бывает, пожалуй, только в пустых туалетах, где все бачки полны и не слышно журчания набирающейся воды. Я прошел мимо раковины, над которой висело зеркало с потрескавшейся по углам амальгамой. Держатель для бумажных полотенец был пуст, провод сушилки висел вдоль стены, вынутый из розетки.

Четыре кабинки выглядели очень маленькими: место явно сэкономили, чтобы впихнуть побольше унитазов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/germanov_mayk/bezlikiy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)